Кедровая Бухта

Автор:
Дебби Макомбер

Кедровая Бухта

Дебби Макомбер

Оливия Локхарт, судья из маленького городка Кедровая Бухта, постоянно в центре событий и водовороте переживаний. Не ладится личная жизнь у ее взрослой дочери – Джастин боится открыть свое сердце большой любви, подменяя ее удобными отношениями. Общественное мнение городка будоражит принятое судьей нетривиальное решение, но, помня всю горечь своего развода, Оливия все-таки заставляет молодых супругов Яна и Сесилию, чьи отношения разладились после смерти новорожденной дочери, еще раз подумать, прежде чем расстаться. Оливия старается поддержать и подругу Грейс, которую оставил муж, причем повел себя так странно, что поступок его потряс родных и знакомых. Мать Оливии Шарлота, несмотря на почтенный возраст, очень энергичная дама, занялась делом благородным, но противоречащим букве закона. И наконец, сама Оливия готова полюбить вновь, и все так хорошо складывалось… Но ее мужчина что-то скрывает, Оливия же не терпит недомолвок…

Дебби Макомбер

Кедровая Бухта

В память о Рите Адлер

26 декабря 1950 – 12 декабря 2000

Мы будем скучать по тебе.

Глава 1

Сесилия Рэндалл слышала о людях, которые хотели бы вновь прожить свою жизнь, если бы им вдруг предложили выполнить одно желание на выбор. Но к ней это не относится. Сесилия с удовольствием стерла бы всего лишь один период из своих двадцати двух лет – двенадцать месяцев.

Последние двенадцать месяцев.

В прошлом январе, вскоре после Нового года, она познакомилась с Яном Джейкобом Рэндаллом – моряком, служившим на подводной лодке. Сесилия влюбилась в него и сделала нечто абсолютно безответственное – забеременела. А после прибавила к этому еще и свадьбу.

Это была ошибка номер три, и с тех пор число ее оплошностей только увеличивалось. Сесилия не была глупой – она просто любила, а отсюда пришли и наивность, и, что еще хуже, романтичность. Но жизненный опыт с соленым морским привкусом избавил ее от этих качеств достаточно быстро.

Их дочка родилась преждевременно, когда Ян был в море. И сразу же стало ясно, что у ребенка тяжелый порок сердца. К тому моменту, когда муж вернулся домой, Элисон Мари уже похоронили. Сесилия в одиночестве стояла под безжалостным дождем на Тихоокеанском Северо-Западе, пока крошечный гроб ее девочки опускали в холодную грязную землю. Она вынуждена была принимать роковые решения без семейного обсуждения и без поддержки мужа.

Мать Сесилии жила на Восточном побережье и из-за метели не смогла прилететь в штат Вашингтон. Отец поддерживал дочь, как только мог, но мог он не так много. Его представление о поддержке сводилось к вручению открытки с соболезнованиями и написанию нескольких строк о том, как сожалеет он о ее потере. Сесилия провела бесчисленное количество дней и ночей у пустой колыбели дочери, то совершенно отрешившись от действительности, то рыдая. Жены других моряков старались утешить ее, но Сесилия чувствовала себя неуютно с незнакомыми людьми. Она отвергала их поддержку и дружбу.

Сесилия провела в Кедровой Бухте так мало времени, что близких друзей у нее пока не появилось. И она скорбела в одиночку.

Вернувшись, Ян винил в своей задержке порядки морского флота. Он старался все объяснить, но к тому времени Сесилия уже смертельно устала. Только одно было важно – ее дочь мертва. Муж не знал и, вероятно, не мог понять, что она перенесла в его отсутствие. Ян служил на подводной лодке, поэтому весточки от близких во время дежурства ограничивались посланиями в пятьдесят слов. В любом случае нельзя было сделать ничего – подводная лодка в то время находилась под полярным льдом. Сесилия писала, чтобы рассказать ему о рождении Элисон, а затем о ее смерти. Она выливала свою скорбь в коротких сообщениях, не заботясь о том, что они будут тщательно проверены морскими офицерами. Но командир Яна посчитал необходимым отложить передачу этой информации до тех пор, пока не закончится десятинедельная командировка. «Я не знал», – неоднократно убеждал жену Ян. Конечно, Сесилия не должна была обвинять его, но все равно обвиняла. Хотя это и было несправедливо, Сесилия не могла его простить.

Теперь все, чего она хотела, – это выбраться. Из этого брака, из этой эмоциональной трясины, которая состояла из вины и сожаления. Просто выбраться. А самым простым выходом был развод с Яном.

Сидя в коридоре возле зала судебного заседания, Сесилия чувствовала сильную, как никогда, решимость расторгнуть свой брак. Один быстрый удар молотка судьи сможет положить конец кошмару, длящемуся последний год. В конечном счете Сесилия забудет, что вообще когда-то была знакома с Яном Рэндаллом.

Алан Харрис, представитель Сесилии, вошел в холл окружного суда. Сесилия наблюдала, как он оглядывался, пока, наконец, не увидел ее. Мужчина поднял руку в кратком приветствии, а затем направился туда, где на жесткой деревянной скамейке сидела его клиентка, и занял пустое место рядом с ней.

– Пожалуйста, скажите еще раз, как все произойдет, – попросила Сесилия, чувствуя потребность услышать заверение, что ее жизнь станет хотя бы приблизительно той, какой была год назад.

Алан положил портфель на колени.

– Мы подождем, пока будет объявлено о списке дел к слушанию. Судья спросит, готовы ли мы, я отвечу, что да, и тогда мы получим номер.

Сесилия кивнула, чувствуя оцепенение.

– Мы можем получить любой номер от единицы до пятидесяти, – продолжил ее адвокат. – После станем дожидаться своей очереди.

Сесилия кивнула вновь, надеясь, что не застрянет в здании суда на весь день. Одно то, что ей необходимо здесь присутствовать, было плохо, но куда хуже, что требовалось и присутствие Яна. Но пока Сесилия не видела мужа. Может, он встречался где-то со своим адвокатом, обсуждая стратегию, – хотя она не ждала, что он выступит против развода.

– Ведь у нас не будет проблем?

Ее ладонь была влажной, а лоб покрывал холодный пот. Сесилия так хотела, чтобы все закончилось и она смогла бы взяться за свою жизнь. Она верила, что не сможет сделать этого, пока не совершится развод. Только тогда начнет уходить боль.

– Я не могу найти ни одной причины для возникновения каких-либо задержек, особенно учитывая тот факт, что вы согласились разделить все долги. – Алан слегка нахмурился. – Несмотря на тот добрачный контракт, который вы подписали.

Неприятное ощущение скрутило желудок Сесилии, и она крепко прижала к себе сумочку. «Скоро, – напомнила она себе, – скоро ты сможешь пройти сквозь эти двери в новую жизнь».

– Это достаточно… необычное соглашение, – пробормотал Алан.

Добрачный контракт был еще одним пунктом в списке ошибок, которые Сесилия сделала за последний год, но, судя по словам адвоката, именно эта ошибка могла быть очень легко исправлена. Когда Сесилия подписывала контракт, соглашение казалось идеальным. В попытке доказать свою искренность у будущих супругов появилась идея, что именно тот, кто захочет развода, будет

оплачивать не только судебные издержки, но и все долги, сделанные во время брака. Это могло бы считаться штрафом или средством устрашения, но в любом случае контракт не сработал. И сейчас он был всего лишь еще одной неприятностью, с которой следовало разобраться.

Сесилия винила себя в том, что настояла на договоре. Она хотела быть абсолютно уверенной, что Ян женится на ней не только из чувства долга. Да – беременность была незапланированной, но она смогла бы без проблем воспитать ребенка одна. Сесилия предпочла бы именно это, нежели быть пойманной в ловушку несчастливого брака или же заставлять Яна вступать в те отношения, которых он не хочет. Ян, однако, был непреклонен. Он клялся, что любит ее, любит их нерожденного ребенка и хочет жениться на ней.

Когда Сесилии было десять лет, весь ее мир разлетелся на части при разводе родителей. Она отказывалась подвергать такому испытанию своего ребенка. Сесилии казалось, что брак – это навсегда, поэтому она хотела убедиться в их с Яном чувствах до того, как взять на себя обязательство длиною в жизнь. «Как же это было наивно! – думала Сесилия сейчас. – Как сентиментально. Как романтично».

Ян говорил, что он тоже стремится к одному-единственному браку на всю жизнь, но все оказалось иллюзией, как и многое другое в этот последний год. Сесилии необходимо было верить ему, верить в силу любви, верить, что это чувство защитит ее от сердечной боли.

В конечном счете, будучи ослепленной прекрасной картиной будущего, в которой муж кажется невероятно преданным, и надеясь на счастливую жизнь, Сесилия уступила ему с одним условием. Это условие было изложено в соглашении.

Предполагалось, что их брак будет длиться до тех пор, пока они живы, поэтому Сесилия и Ян вместе разработали соглашение, которое должно было помочь им хранить верность своим клятвам. Во всяком случае, они так думали… Добрачный контракт был подписан и заверен у нотариуса до церемонии. Сесилия не вспоминала об этом, пока не встретилась с Аланом Харрисоном, который и спросил ее, подписывала ли она какое-нибудь соглашение до свадьбы. Этот документ определенно не был стандартным, но тем не менее Алан считал, что им потребуется судебное расторжение контракта.

Этот брак не должен был так закончиться, но после смерти ребенка все потеряло смысл. Какая бы сильная любовь ни существовала между ними, чувство было разрушено потерей. Дети не должны умирать, в том числе и те, которые рождаются преждевременно. Вера в справедливость исчезла из мира Сесилии. Брак, который должен был поддерживать ее, стал источником вины и скорби. Опыт научил Сесилию, что она – одна, и ее правовой статус должен отражать это.

Сесилия не могла больше думать о печальном и старалась направлять свои мысли в другое русло. Адвокаты бесцельно слонялись по заполненному людьми помещению, переговариваясь со своими клиентами. Сесилия огляделась, ожидая увидеть Яна, и приготовила себя к неизбежному столкновению. Она не видела мужа и не говорила с ним последние четыре месяца, хотя их адвокаты общались постоянно. Сесилия размышляла, находились ли окружающие ее люди здесь по таким же, как и у нее, печальным причинам. Вполне может быть. Ведь зачем еще приходить в суд? Нарушенные клятвы, невыполненные соглашения…

– У нас судья Локхарт, – сказал Алан, врываясь в ее раздумья.

– Это хорошо?

– Она справедлива.

Ничего иного и не желала Сесилия.

– Это ведь всего лишь формальность?

– Да. – Алан подарил ей утешительную улыбку.

Сесилия посмотрела на часы. Список дел к рассмотрению должны были объявить в девять, и ждать осталось всего пять минут. Ян все еще не появился.

– А что, если Ян не придет? – спросила она.

– Тогда мы попросим перенести слушание дела.

– О!

Только не задержка, молчаливо умоляла Сесилия.

– Он будет здесь, – утешил ее Ален. – Брэд сказал, что Ян так же сильно хочет покончить со всем, как и вы.

У Сесилии появилось ощущение узла, который медленно затягивается под сердцем. «Это легкая часть», – говорила себе она, прогоняя нервозность. Тяжелая уже пройдена – боль и скорбь, разочарование в браке, который не сложился. Слушание было лишь формальностью – так говорил Алан. Когда аннулируют добрачный контракт, с неопротестованным разводом будет покончено, и этот кошмар останется позади.

Наконец появился Ян.

Сесилия почувствовала его присутствие еще до того, как увидела. Ощутила взгляд мужа, когда тот поднимался по лестнице и заходил в холл. Она повернулась, и их глаза на короткое мгновение встретились, а затем каждый стремительно отвел взгляд.

Практически одновременно с его приходом открылись двери зала заседаний. Все встали и устремились внутрь с рвением, которое не поддавалось объяснению. Алан вместе с Сесилией прошли через двери из красного дерева. Ян и его адвокат последовали за ними и сели в противоположной стороне зала.

Судебный пристав без промедления стал зачитывать имена, как будто делая перекличку. Называлось имя или группа имен, звучал ответ, и людям объявляли номер. Все произошло так быстро, что Сесилия едва не пропустила тот момент, когда назвали ее фамилию.

– Рэндалл. – В ответ раздались голоса Алана Харрисона и Брэда Дамаса.

Сесилия не расслышала номер, который им дали. Сев рядом с ней, Алан написал «30» на странице небольшого желтого блокнота.

– Тридцать? – прошептала она, с изумлением осознав, что до нее будет слушаться еще двадцать девять дел.

– Не волнуйтесь, все пройдет быстро, – кивнул ей адвокат. – Мы, вероятно, выйдем отсюда до одиннадцати. Все зависит от тех дел, которые рассматриваются перед нами.

– Я должна оставаться здесь?

– Только не в зале заседаний. Вы можете подождать снаружи, если хотите.

Сесилия хотела. В зале она ощущала клаустрофобию, которая была невыносима. Она встала и поторопилась выйти в почти пустой коридор, едва не сбиваясь с ног в своем стремлении как можно быстрей покинуть зал заседаний.

Войдя в фойе, Сесилия остановилась, с трудом избежав столкновения с Яном.

Они оба застыли, уставившись друг на друга. Сесилия не знала, что сказать, и Ян, очевидно, пытался справиться с точно такой же проблемой. Он хорошо выглядел в синей морской форме, которая напоминала об их первой встрече. Ян был высоким мужчиной в превосходной физической форме, его голубые глаза гипнотизировали – таких глаз она не видела ни у одного человека. Сесилия подумала, что, если бы Элисон Мари выжила, у нее были бы глаза отца.

– Почти все закончено, – сказал Ян голосом тихим и лишенным эмоций.

– Да, – ответила Сесилия и спустя минуту добавила: – Я не следовала за тобой, выходя из зала.

Она хотела, чтобы Ян знал это.

– Я так и подумал.

– Просто было такое чувство, что стены надвигаются на меня.

Ян не ответил, опускаясь на одну из деревянных скамеек, которые стояли в коридоре возле каждого зала. Он сгорбился, уперев локти в колени. Сесилия села на другой конец скамьи, отодвинувшись к самому краю. Люди покидали залы заседаний и либо исчезали, либо находили уединенный угол, чтобы посовещаться со своим адвокатом. Их перешептывание эхом отдавалось от

гранитных стен.

– Я знаю, ты не веришь, но мне жаль, что все дошло до этого, – проговорил Ян.

– Мне тоже. – А затем на тот случай, если он подумал, что Сесилия ищет примирения, добавила: – Но это необходимость.

– Не могу не согласиться с тобой. – Ян выпрямился и скрестил руки на груди. Больше он не смотрел на нее.

В воздухе витало ощущение неловкости – они оба находятся здесь по одной и той же причине. И если Ян делал вид, что жены рядом нет, то Сесилия поступила точно так же. Она тихо откинулась на скамье. Ожидание обещало быть очень долгим.

– Здравствуйте, – сказала Шарлота Джефферсон, заглядывая в маленькую палату Реабилитационного центра Кедровой Бухты. – Как я понимаю, вы вновь прибывший.

Пожилой седовласый мужчина, ссутулившись, сидел в инвалидном кресле и внимательно смотрел на нее глубоко посаженными карими глазами. Несмотря на разрушительные последствия болезни и возраста – ему было девяносто лет, – Шарлота могла предположить, что в свое время мужчина отличался необыкновенной красотой. Классические черты его лица не оставляли в этом сомнения.

– Вам не нужно беспокоиться об ответе, – проговорила она. – Я знаю, что вы парализованы. Просто хотела вам представиться. Меня зовут Шарлота Джефферсон. Я зашла посмотреть, смогу ли чем-нибудь помочь.

Он поднял на нее глаза и медленно, будто для этого требовалось огромное усилие, покачал головой.

– Вам не надо говорить мне свое имя, я прочитала его снаружи на двери. Вы Томас Хардинг. – Шарлота замолчала. – Джанет Лестер, здешний социальный работник, упоминала о вас несколько дней назад. Мне всегда нравилось имя

Томас, – щебетала она. – Думаю, друзья называют вас Том.

Слабая улыбка на его губах подтвердила ее правоту.

– Вот о чем я подумала… – Шарлота не хотела быть назойливой, но знала, как одиноко чувствуешь себя, приезжая в незнакомый город, в котором не знаешь ни одной живой души. – Одна из моих лучших подруг провела здесь несколько лет. И я навещала ее каждый четверг. Это стало привычкой, и даже после того, как Господь забрал Барбару к себе, я продолжаю появляться здесь. На прошлой неделе Джанет сказала мне, что прибыли вы, поэтому я решила прийти сегодня и познакомиться.

Том попытался пошевелить правой рукой, но не добился успеха.

– Может, вам что-то принести? – спросила Шарлота, желая быть полезной.

Он вновь покачал головой, а затем трясущимся пальцем указал на стул, стоящий напротив него.

– А, я поняла. Вы просите меня присесть. – На его лице отразилась улыбка, которая явно стоила ему усилий. – Ну, я не возражаю. Ноги устали.

Шарлота села на стул, куда указал Томас, и сняла правую тапочку, чтобы потереть стопу, которая слегка побаливала.

Том наблюдал за ней, в его глазах читался интерес.

– Думаю, вы хотели бы узнать немного о Кедровой Бухте. О, бедняга, я не виню вас. Слава богу, вас перевели сюда. Джанет сказала, что вы с самого начала запрашивали Кедровую Бухту, но вас отправили в то место в Сиэтле. Я слышала о том, что там произошло. И могу сказать лишь одно – чудовищный позор.

По словам Джанет, социальное заведение, где пре бывал Том, было закрыто по причине многочисленных случаев серьезного насилия. Пациенты, большинство из которых находились на попечении штата, были распределены в различные социальные учреждения Вашингтона.

– Я так рада, что вы в Кедровой Бухте! Это замечательный маленький городок, Том, – сказала Шарлота, намеренно используя его имя.

Она хотела, чтобы Томас почувствовал себя признанным. Он провел время в учреждении, уровень которого был очень низким, и там к нему относились без уважения и сострадания. Джанет сказала, что персонал в том центре был чрезвычайно невнимательным. Шарлота была шокирована, услышав об этом. Все это казалось непостижимым. Как можно быть жестоким по отношению к уязвимым людям, таким как Том! Как можно его игнорировать, оставлять лежать в грязной постели, никогда не говорить с ним…

– Я вижу, у вас тут можно наблюдать за пристанью, – сказала Шарлота с таким энтузиазмом, на который только была способна. – Мы гордимся нашей береговой линией. Летом там проходит замечательная местная ярмарка, и конечно же парковку возле библиотеки по субботам заполняет фермерский рынок. Время от времени к пирсу причаливают лодки, и рыбаки продают свои товары. Клянусь вам, Том, нет ничего лучше свежих креветок из Худ-Канала, купленных у рыбаков.

Она помедлила, но казалось, что Том ждет продолжения, поэтому Шарлота вернулась к теме.

– Так, посмотрим, что я еще могу рассказать вам о Кедровой Бухте, – произнесла она, с трудом представляя, с чего же начать. – Это маленький городок. При последней переписи, по-моему, нас насчитывалось неполных пять тысяч. Мы с Клайдом, моим мужем, приехали из Якимы, которая находится в восточной части штата. Мы попали сюда после Второй мировой войны… Это было пятьдесят лет назад.

Пятьдесят лет. Как могло так быстро пролететь время?

– Кедровая Бухта изменилась в некоторой степени, но по большей части городок остался таким же, как был, – сказала Шарлота. – Многие работают на Бремертонской верфи, как и в сороковых. Военный флот оказывает значительное влияние на экономику города.

Том, должно быть, и сам догадался, учитывая находящуюся на противоположной стороне бухты судоверфь ВМС Пьюджет-Саунд. Огромные авианосцы

выстроились у береговой линии, так же как ряды подводных лодок. Атомные же субмарины были размещены на базе подводных лодок в Бангоре. В пасмурные дни серая флотилия сливалась с синевато-серым небом. Том положил правую руку на сердце.

– Вы служили в вооруженных силах? – спросила Шарлота.

Кивок пожилого мужчины был едва заметен.

– Благослови вас Господь, – ответила она. – Знаете, так много разговоров о нас как о великом поколении, которое пережило Великую депрессию и войну, и знаете что?.. Они правы. Современные молодые люди не знают, что значит жертвовать. Им все далось слишком легко, но это всего лишь мое мнение.

Глаза Тома расширились, и Шарлота могла сказать, что мужчина согласен с ней.

Не дожидаясь, когда собьется с мысли, Шарлота замолчала, покусывая нижнюю губу.

– Так, что еще я могу рассказать вам? – пробормотала она. – Во-первых, мы в Кедровой Бухте очень любим спорт. Осенью по вечерам в пятницу половина города наблюдает за футбольными играми школьной команды. В это время года популярен и баскетбол. Два года назад команда по софтболу стала чемпионом штата. Мой самый старший внук… – Шарлота помедлила и отвела взгляд, сожалея, что ее мысли последовали в этом направлении, – Джордан подавал надежды как бейсбольный игрок, но утонул пятнадцать лет назад.

Она не знала, что толкнуло ее упомянуть Джордана, и пожалела об этом. Знакомая печаль вновь проснулась в ее сердце.

– Не думаю, что когда-нибудь смогу смириться с его смертью.

Том, несмотря на слабость, наклонился вперед к Шарлоте, будто хотел положить ладонь на ее руки. Это был трогательный жест.

– Мне жаль, – прошептала она. – Я не хотела говорить об этом. Моя дочь живет в Кедровой Бухте, – продолжила Шарлота, заставляя себя добавить веселую нотку

в голос. – Она судья. Судья Оливия Локхарт, и я очень горжусь ею. В детстве Оливия была худенькой малышкой, а выросла высокой. Очень красивой. Сейчас ей уже пятьдесят два, но она все еще вызывает восхищение. Все дело в том, как она держит себя. Просто посмотрев на нее, люди понимают, что она важный человек. Моя дочь – судья, но для меня она все еще маленькая девочка с карими глазами. Я получаю много удовольствия, сидя в зале заседания, когда она председательствует. – Шарлота покачала головой. – Вот, пожалуйста, я говорю о себе, вместо того чтобы рассказывать вам о Кедровой Бухте.

Шарлоте было бы легче общаться, задавай Том вопросы, но мужчина был лишен этой возможности.

– До Сиэтла можно доехать на пароме, но мы – сельская община. Я живу по-городскому, но у многих жителей есть лошади и куры. Конечно же они держат их на загородных участках.

Том кивнул в ее сторону. – Вы спрашиваете обо мне?

Его ответная улыбка подсказала, что и в этот раз Шарлота поняла Томаса правильно. Она чуть взволнованно улыбнулась, подняла руку к голове и пригладила мягкие волнистые волосы. В семьдесят два года ее волосы были полностью белыми. Такое положение дел вполне ее устраивало. Лицо Шарлоты было сравнительно гладким, и она всегда гордилась своей кожей – ведь женщине позволительно быть немного тщеславной, верно?

– Я вдова, – начала Шарлота, опустив взгляд. – Клайд умер почти двадцать лет назад. Он ушел слишком рано – неизлечимый рак. Работал Клайд на судоверфи. У нас двое детей – Уильям и Оливия, судья, о которой я вам рассказывала. Уильям работает в сфере энергетики и путешествует по всему миру. А Оливия вышла замуж и осела здесь, в Кедровой Бухте. Ее дети закончили ту же школу, что и она. В школе на стенах висят портреты каждого выпускного класса, и достаточно интересно смотреть на улыбающиеся лица и думать, что из них вышло теперь. – Лицо Шарлоты приобрело задумчивое выражение. – Там есть и фотография Джастин. Она и Джордан были близнецами, и я так беспокоюсь за нее. Сейчас ей двадцать восемь, и она встречается с мужчиной старше себя, которому не доверяют ни ее мать, ни я.

Шарлоте пришлось замолчать, чтобы не сказать лишнего.

– Джеймс, младший ребенок Оливии, сейчас служит на флоте. Когда он завербовался на службу, мы все были шокированы. Уильям и его жена решили не иметь детей. И временами я задумываюсь – не сожалеют ли они теперь. Думаю, Уильям жалеет, но не Джорджия.

Хотя обоим детям Шарлоты было около пятидесяти, она все еще продолжала беспокоиться о них. Глаза Тома закрылись, а затем быстро открылись.

– Вы устали, – произнесла Шарлота, понимая, что обсуждает свое беспокойство о дочери и внуках, а не рассказывает Тому о Кедровой Бухте.

Томас слегка покачал головой, будто не хотел, чтобы она уходила.

Шарлота встала и положила руки ему на плечи.

– Я скоро вернусь, Том. Вам надо немного поспать. Кроме того, мне пора отправиться в здание суда. Сего дня работает Оливия, и я заканчиваю детское покры вало.

Решив, что ей следует объяснить, о чем речь, Шарлота добавила:

– В суде я вяжу свои лучшие вещи. Газета «Хроники» делала статью обо мне пару лет назад, с фотографией! На ней я сижу в суде со спицами и пряжей. И если вы захотите, я принесу местную газету и почитаю вам. До этой недели она издавалась только по средам, но недавно газета была продана, и новый хозяин нанял другого ре дактора. Он-то и решил выпускать издание до двух раз в неделю. Разве это не мило?

Том улыбнулся.

– Это замечательный городок, – сказала ему Шарлота, наклоняясь, чтобы похлопать по его руке. – Вам тоже понравится здесь.

Она собралась было выйти за дверь, но увидела, что у ее нового друга нет пледа. Сиделки центра быстро исправят этот недочет. В Кедровой Бухте в помещениях становится очень холодно, особенно во влажные зимы. Как грустно, что у этого мужчины нет никого, кто мог бы позаботиться о его благополучии.

– Я скоро вернусь, – вновь проговорила Шарлота.

Том кивнул, и на его лице появилась небрежная легкая улыбка. О да, в свое время он был очаровательным мужчиной.

Когда Шарлота вышла через главную дверь, ее остановила Джанет:

– Ты познакомилась с Томом Хардингом?

– Да. Он очень милый мужчина.

– Я знала, что ты так подумаешь. Ты – именно то, в чем он нуждается.

– У него нет семьи?

– В его деле не указаны ближайшие родственники. После инсульта прошло пять лет, и, похоже, его никогда не навещали. – Джанет замолчала, а затем нахмурилась. – Но надо сказать, я не знаю, насколько можно доверять записям того приюта.

– Как долго Томас там находился?

Джанет пожала плечами:

– По меньшей мере лет пять. Он попал туда сразу после того, как закончили лечение, которое прописывают хроническим больным.

– О, бедный мужчина. Он…

– Он нуждается в друге, – закончила за нее Джанет.

– Ну, одного Томас уже нашел, – произнесла Шарлота.

Шарлота была любительницей поговорить. Клайд всегда говорил, что она может подружиться даже с кирпичной стеной. Он говорил это как комплимент, и Шарлота именно так и относилась к его словам.

Хорошенько подумав, она решила не просить плед для Тома у сиделок – она сама свяжет его, как только закончит детское покрывало. К следующему визиту у нее будет что принести Томасу. Нечто, способное согреть его, – шерстяной плед и ее дружба.

Судье Локхарт сложно приходилось с делами о разводе, и это была самая ненавистная обязанность для нее в суде по семейным делам. Она председательствовала два года и думала, что видела все. Были дела и подобные сегодняшнему.

Ян и Сесилия Рэндалл просили аннулировать написанный ими же добрачный контракт. Как только это будет сделано, они начнут судебный процесс по расторжению брака. Перед ней стояли их адвокаты вместе со своими клиентами.

Оливия посмотрела на бумагу и заметила, что она была подписана меньше года назад. Оливия не понимала, как брак может распасться так быстро. Она подняла глаза и внимательно изучила пару. Такие молодые – они оба смотрели в пол. Ян Рэндалл казался ответственным парнем, который, вероятно, в первый раз оказался вдали от дома и семьи, поступив на службу в вооруженные силы. Его жена была хрупким ребенком, невероятно худым, с темными глазами, в которых отражалась душевная боль. Прямые каштановые волосы Сесилии обрамляли ее лицо в форме сердца и беспорядочно ниспадали на плечи. Девушка быстро крутила прядь, вероятно от волнения.

– Должна сказать, документ своеобразный, – пробормотала Оливия, перечитывая несколько строк текста.

Соглашение было необыкновенно бескомпромиссным и необычным. В соответствии с контрактом супруг, который пожелает развода, должен будет взять на себя все долги.

Очевидно, они изменили свою точку зрения на это, как, впрочем, и взгляды относительно своего брака. Оливия быстро просмотрела список накопленных долгов и заметила, что они были ровно поделены между супругами. Если бы брак продлился дольше, долги, конечно, были бы крупнее – ипотека, вероятно, выплаты за автомобиль и тому подобное. «Это могло бы заставить недовольного супруга остаться в браке», – подумала Оливия. Так или иначе, сейчас сумма долга составляла семь тысяч долларов. Ян Рэндалл взял на себя все счета по

кредитным картам, а Сесилия согласилась погасить долги за коммунальные услуги, которые включали счет за телефон на триста долларов и, что странно, счет из цветочного магазина на двести долларов. Самым большим счетом, как заметила Оливия, была плата за похороны, которую они согласились поделить пополам.

– Обе стороны достигли согласия по вопросу, касающемуся накопленных за время брака долгов, – начал Алан Харрис.

Очевидно, ситуация таила в себе куда больше, нежели можно было предположить на первый взгляд.

– В семье кто-то умер? – спросила Оливия, адресуя реплику адвокату, который заговорил первым.

– Да, – кивнул Алан. – Ребенок.

– Понятно. – Желудок Оливия сжался.

– Наша дочь родилась преждевременно, и у нее был порок сердца, – еле слышимым голосом произнесла Сесилия Рэндалл. – Ее звали Элисон.

– Элисон Мари Рэндалл, – добавил ее муж-мо ряк.

Оливия наблюдала, как муж и жена обменялись взглядами. Сесилия отвела взор в сторону, но недостаточно быстро, и Оливия смогла увидеть боль, злость и страдание. Вероятно, судья распознала эти чувства, потому что и сама когда-то испытала их вместе с разрушением собственного брака.

Две стороны продолжали ожидать от Оливии решения. Все разногласия были преодолены, и процедуру мало что могло остановить. Это слушание являлось простой формальностью, поэтому они могли приступить к расторжению брака.

– Семь тысяч долларов – достаточно большой долг, чтобы накопить его всего за несколько месяцев, – сказала Оливия, продлевая их ожидание.

– Согласен, ваша честь, – быстро проговорил Брэд Дамас. – Но есть смягчающие обстоятельства.

Оливия заметила свою мать, которая сидела в зоне для посетителей. Она часто занимала место в переднем ряду, практически всегда со своими спицами и пряжей. Но сейчас Шарлота не вязала. Ее пальцы сжали спицы, которые лежали на коленях, будто она тоже понимала важность происходящего.

Оливия помедлила, что было крайне на нее не похоже. Она была известна как быстрый и решительный судья. Но этой паре необходима была нежная любящая рука, которая провела бы их через выпавшую на их долю скорбь. Покончив с браком, они не решат проблему – этому научил Оливию ее собственный жизненный опыт. Если Рэндаллы настаивают на одобрении их развода, Оливия способна помочь им проложить дорогу только в одном направлении – к боли и вине. Однако у нее не было правового обоснования для того, чтобы отвергнуть аннулирование их соглашения.

– Я собираюсь взять десятиминутный перерыв… чтобы внимательно просмотреть это соглашение, – объявила Оливия.

И до того как адвокаты и их клиенты смогли каким-то образом выразить свое изумление, Оливия встала и направилась в сторону кабинета судьи. Она слышала беспокойство в зале заседаний, когда все встали, а затем последовал гул еле различимых голосов.

Сидя за своим столом, Оливия откинула голову на спинку высокого кожаного кресла и закрыла глаза. То, что она сравнивает себя с Сесилией Рэндалл, было неизбежно. Пятнадцать лет назад Оливия потеряла своего старшего сына. Годы шли, но боль от смерти Джордана не утихала, да никогда и не утихнет. За двенадцать месяцев после того, как сын утонул, весь мир Оливии разрушился. В ее брак давно закрались проблемы – ничего непосильного, ничего всепоглощающего или необычного, просто хронический стресс, который переживает любая пара в том случае, если работают оба супруга и у них трое детей. Но после смерти Джордана этот стресс умножился десятикратно и стал непреодолимым. Прежде чем Оливия смогла как следует осознать, что они делают, семья распалась. Сначала она потеряла сына, а потом и мужа. А вскоре Оливия и Стэн обнаружили, что стоят перед судьей, который и объявил о завершении развода.

Спустя три месяца Стэн шокировал ее и всех остальных, вновь женившись. Очевидно, уже некоторое время он делился своими проблемами с той женщиной, сохраняя их отношения в секрете от Оливии.

В дверь постучали, и до того, как Оливия смогла ответить, в кабинет вошла ее мать.

Оливия выпрямилась. Ей следовало бы знать, что мать воспользуется возможностью поговорить с ней.

– Привет, мам.

– Я ведь не помешаю тебе?

Оливия покачала головой. Ее мать знала – дверь дочери всегда открыта для нее, если та чем-то обеспокоена.

– Хорошо. – Шарлота немедленно перешла к делу. – Как жаль эту молодую пару! Они хотят освободиться от своего брака, хотя едва ли получили шанс узнать друг друга как следует.

Оливия думала о том же, хотя не могла и не стала бы признавать это.

– Мне показалось, что ни один из них на самом деле не хочет развода. Я могу ошибаться, но…

– Мам, ты знаешь, что я не могу обсуждать свои дела.

– Да, да, знаю. Но иногда я просто не могу справиться с собой. – Шарлота направилась было к двери, но внезапно передумала. – Не знаю, говорила ли я тебе, но мы с твоим отцом не уживались в течение первого года.

Для Оливии это было новостью.

– Клайд был упрямым мужчиной, и, если ты заметила, у меня тоже сильная воля.

Это было преуменьшением.

– Весь первый год мы только и делали, что спорили, – призналась Шарлота, ее руки сжали сумочку и пакет с пряжей. – А потом, до того как поняла, что происходит, я забеременела твоим братом, и… мы все уладили. Мы провели много счастливых лет вместе. Он был любовью всей моей жизни.

Шарлота вышла из комнаты так, будто сказала куда больше, нежели намеревалась, и аккуратно закрыла за собой дверь.

Оливия встала. Ее мать сказала именно то, что ей нужно было услышать. Ее решение принято. Оливия вернулась в зал заседания. Как только она села, к ней приблизились Рэндаллы и их адвокаты. Сесилия Рэндалл вышла вперед, ее большие выразительные глаза невидяще смотрели в пространство. Выражение лица Яна Рэндалла было суровым и решительным, будто он готовился к неизбежному.

– Я не могу игнорировать возможность, – начала говорить Оливия, – что стороны приняли это соглашение, хорошенько обдумав именно фактор развода, который сейчас и рассматривается. Очевидно, они придавали огромную ценность своему браку, и эта ценность послужила стимулом для подобного контракта. Ясно, что их целью было избежать итога, к которому они сейчас стремятся, – легкого развода. По этой причине я не аннулирую брачный контракт. Спорный вопрос будет решен на судебном заседании. Тем временем я советую сторонам пройти психологическую консультацию или же обратиться в Центр по урегулированию споров, чтобы обсудить разногласия.

Оба супруга и их адвокаты подошли ближе, будто сомневались, что верно расслышали слова судьи.

Алан Харрис и Брэд Дамас принялись быстро перебирать свои записи. Когда адвокаты поспешили перечитать брачное соглашение, выглядели они почти комично.

– Простите, ваша честь! – первым отреагировал Брэд Дамас, поднимая руку.

– Обе стороны пришли к согласию, – заспорил Алан Харрис. – Мистер Рэндалл согласился не учитывать добрачный контракт, он также с готовностью принял

на себя обязанность выплатить часть долгов.

– Что она сказала? – спросила Сесилия Рэндалл, посмотрев на Алана Харрисона.

– Поясните, ваша честь, – попросил Брэд Дамас, на его лице было растерянное выражение.

– Соглашение остается в силе, – произнесла Оливия.

– Вы не аннулируете контракт? – медленно переспросил Алан Харрис. Его голос звучал озадаченно.

– Нет, адвокаты, я не аннулирую контракт по тем причинам, которые только что указала.

Алан Харрис и Брэд Дамас внимательно посмотрели на нее.

– Какая-то проблема, господа?

– А…

– Найдите секретаря и уточните дату слушания. – Она жестом показала, что им пора отойти.

– Это значит, что мы не сможем развестись? – спросила своего адвоката Сесилия.

– Я хочу этого развода точно так же, как и ты, – обратился к ней Ян.

Оливия застучала своим молотком.

– Порядок в зале суда, – обратилась она к паре. Если они решили спорить, пусть делают это в свое личное время.

Брэд Дамас и Алан Харрис собрали свои бумаги и взяли портфели, и по их движениям чувствовалось, что они пребывают в недоумении.

– Мы можем сделать еще что-нибудь? – спросила Сесилия Рэндалл Алана Харрисона, когда они выходили за двери.

– Мы можем подать апелляцию, но…

– Но это приведет к еще большим издержкам, – запротестовал Ян, стоя рядом со своим адвокатом, при этом Брэд был слишком ошеломлен, чтобы говорить.

– Я не понимаю, что происходит, – пробормотала Сесилия, дойдя до дверей здания суда. – Мы можем сделать что-нибудь?

– Судья сказала, что мы должны вынести вопрос на судебное заседание? – Голос Яна звучал недоверчиво. – И насколько дорого все это будет?

– Очень дорого, – быстро ответил Алан Харрис, будто ему доставляло удовольствие увеличивать сумму издержек для мужа своей клиентки.

– Но я не хочу этого, – застонала Сесилия.

– Тогда советую вам сделать то, что сказала судья, – воспользоваться помощью психолога или обратиться в Центр по урегулированию споров.

– Я не собираюсь обсуждать свои проблемы с группой незнакомцев. – С этими словами Ян Рэндалл направился к выходу из здания суда.

Брэд Дамас последовал за своим клиентом, но до этого кинул на Оливию рассерженный взгляд. Алан Харрис стоял рядом с ней, покачивая головой, его лицо приобрело скептическое выражение. Судебный пристав зачитал новый номер, но Алан продолжал стоять.

Сесилия Рэндалл отвернулась, но недостаточно быстро, чтобы скрыть слезы, которые покатились по ее щекам. Она почувствовала горечь – пусть самую малость, но все же она была уверена, что поступает правильно, настаивая на разводе.

– Как это произошло? – спросила Сесилия.

– Я не понимаю, – пробормотал Алан Харрис. – Это сумасшествие.

– Вы правы, – пробормотала Сесилия, покачивая головой и стараясь надеть пальто. – Этого не должно было произойти, но все равно случилось.

Глава 2

Оливия застонала, когда раздался звонок телефона – в пятый раз за субботнее утро. Без сомнения, этот звонок, как и все другие, стал следствием статьи, опубликованной сегодня утром в газете Джека Гриффина. Новый редактор газеты «Хроники Кедровой Бухты» по какой-то причине решил написать статью о ней и поместил в колонке редактора под заголовком «В РАЗВОДЕ ОТКАЗАНО». Оливия вздохнула – нежелательное внимание портит ей выходной. И это возмущало ее.

– Алло, – ответила она, убеждаясь, что голос отражает ее негодование.

Если звонивший захочет обсудить ее решение, то она не в настроении говорить. Оливия достаточно быстро закончила четыре предыдущих разговора на эту тему.

– Привет, мам!

Джастин! Господи, вот это облегчение! Оливия всю неделю ждала звонка от дочери.

– Как ты?

Раньше они разговаривали постоянно, но теперь все было по-другому. Джастин встречалась с мужчиной, которого Оливия считала недостойным человеком. А это рождало постоянное напряжение в отношениях между матерью и дочерью. И поэтому Джастин избегала ее. Уоррен Сагет был сорокавосьмилетним земельным застройщиком, старше ее дочери на двадцать лет. И он провернул не одну сомнительную сделку. Разница в возрасте заботила Оливию не так сильно, как сама личность мужчины.

– Ты знаешь, что сегодня в газете появилось твое имя? – спросила Джастин.

Хотя бы один человек позволил Оливия не знать об этом! Газета «Хроники Кедровой Бухты» начала работу с одного-единственного выпуска в год, а сейчас выходила уже два раза в неделю. И это было первое субботнее издание. «Может, Гриффину стоило остановиться на одном выпуске в неделю, – мрачно подумала Оливия. – Похоже, он не может наскрести интересные новости». Вся его колонка была посвящена дню, который он провел в зале заседаний, выслушивая ее решения. Хотя Гриффин не упоминал фамилию Рэндалл, он написал, что в этом случае судьей руководило сердце, а не свод законов. Редактор аплодировал ее решению, называл Оливию бесстрашной и дерзкой. Оливия была не против услышать похвалу, но предпочитала, чтобы именно к этому делу не привлекалось лишнего внимания.

Это просто ее удача, что Джек Гриффин выбрал ее зал заседаний в тот день. Просто ее дурацкая удача, поправилась Оливия.

– Что случилось? – спросила Джастин. – Все знают, что Джек Гриффин не слишком-то уважает служителей закона, но ты, кажется, понравилась ему.

– Я даже не знаю этого мужчину, – сказала Оливия, услышав изумление в голосе дочери.

– Это интересно. Я так и думала, что ты будешь скрывать от меня.

– Скрывать от тебя? – недоуменно спросила Оливия.

– Когда найдешь себе мужчину.

– О, пожалуйста! – застонала Оливия.

– Да ладно, кажется, он стал твоим героем. Особенно после той статьи – «РАЗВОД ОТМЕНЯЕТСЯ».

Оливия понимала, что идет на риск, вынося подобное решение по делу Рэндаллов. Ее личным чувствам не место в зале суда, но она была абсолютно уверена, что эти молодые люди сделают ужасную ошибку, если разведутся.

Оливия просто создала небольшую преграду на их пути, надеясь, что ее будет достаточно. И они поймут, что с проблемами надо разбираться, а не убегать от них.

– Джек написал, что ты не испугалась принять спорное решение.

– Я уже прочитала его колонку, – ответила Оливия, стараясь удержать дочь от повторения написанного.

– Так, значит, ты все знаешь?

– К сожалению, да, – вздохнула Оливия. А затем, надеясь сменить тему разговора, добавила: – Сегодня ты свободна, может, пообедаем? У нас несколько недель не было возможности встретиться.

Джастин приезжала на Рождество, но уехала сразу же, как только были открыты подарки и накрыт ужин. Оливия не имела ни малейшего представления, где дочь встретила Новый год. Конечно, она догадывалась, но очень жалела об этом. Ее дочь провела ночь с Уорреном Сагетом.

– Мы встречаемся с твоей бабушкой. И будем рады, если ты присоединишься к нам.

– Прости, мам. У нас с Уорреном уже есть планы.

– Понятно.

Оливия должна была догадаться и сама. Уоррен держал Джастин на коротком поводке. В эти дни у нее практически не было свободного времени. Это мучило и раздражало Оливию, но, когда бы она ни упоминала об этом или даже просто намекала, ее дочь сразу же становилась в оборонительную позицию.

– Мы скоро встретимся, – пообещала Джастин. – Мне пора.

Оливия хотела было попросить, чтобы они договорились о точном дне и времени, но до того, как открыла рот, связь прервалась.

Бормоча себе под нос, Оливия закончила составлять список покупок, а затем взяла куртку и сумочку. Погода в январе была пасмурной и ветреной. Моросил слабый дождь, похожий скорее на легкий туман. Она закрыла входную дверь и поторопилась спуститься с крыльца к машине. Оливия любила свой дом, окна которого выходили на водную гладь возле дороги к маяку. Сам маяк был в трех милях от ее дома и находился на скале глубоко в бухте. К сожалению, его нельзя было увидеть из окон дома Оливии.

Ей нужно было сделать несколько остановок – магазин, химчистка, библиотека. Оливия надеялась, что завершит все дела до обеда, а потом поедет на встречу с матерью. Она вновь пожалела, что Джастин не сможет присоединиться к ним.

Оливия забрала свои вещи из химчистки и вернула книги в библиотеку, а затем поднялась к местному магазину «Сейфуэй», где всегда делала покупки. Слава богу, было еще рано, и пока не наблюдалось обычного субботнего столпотворения. Оливия начала с отдела, в котором продавались овощи. Там она немного постояла, размышляя, стоит ли пучок салата своей чрезмерно высокой цены.

– Судья Локхарт! Не ожидал увидеть вас здесь. Оливия повернулась и увидела того самого мужчину, который умудрился испортить ей утро. Она вспомнила его лицо по тому дню в зале заседаний – человек, ко торый сидел в первом ряду, с блокнотом и ручкой в руках.

– Смотрите-ка, неужели это сам мистер Джек Гриффин!

– К сожалению, не припомню, чтобы имел удовольствие официально с вами познакомиться.

– Поверьте, мистер Гриффин, после сегодняшней статьи в газете я знаю, кто вы.

«Он примерно моего возраста, – подумала Оливия. – Около пятидесяти и примерно такой же комплекции, что и я». Темные волосы, которые уже начинают седеть. Чисто выбритый, с приятными правильными чертами лица, Джек не был безупречно красивым мужчиной, но обладал качеством, которое можно было бы назвать притягательностью. Он охотно улыбался, и его взгляд был прямым и открытым. Гриффин выглядел слегка неопрятным в свободном дождевике, и Оливия заметила, что рубашка на нем была повседневная, а две

верхние пуговицы расстегнуты.

– Неужели я слышу нотку осуждения в вашем голосе? – спросил он с игривой улыбкой.

Оливия не знала, как ответить. Гриффин раздражал ее, но, если она даст ему понять, что сейчас чувствует, это не принесет никакой пользы.

– Думаю, вы всего лишь выполняли свою работу, – пробормотала она, укладывая зеленый перец в свою корзинку.

Красный перец стоил менее фунта, но Оливия любила зеленый и чувствовала, что заслужила небольшое удовольствие. Она покатила свою тележку в сторону, но Джек остановил ее:

– За соседней дверью находится кафе. Давайте поговорим.

– Я не думаю, что это хорошая идея, – покачала головой Оливия.

Джек последовал за ней, когда она стала выбирать свежую зеленую фасоль.

– Вероятно, это было всего лишь мое воображение, но мне показалось, что вы не хотите развода той молодой пары. Верно?

– Я не обсуждаю мои дела за пределами зала заседаний, – сухо проинформировала его Оливия.

– Вполне естественно, – произнес Джек благоразумным тоном, продолжая идти за ней. – В этом было нечто личное, так?

Теряя терпение, Оливия повернулась и посмотрела на него. Как будто она признает нечто подобное перед репортером! Джек говорил так, будто она нарушила профессиональную этику. Черт, она не сделала ничего плохого. Она поступила так из лучших побуждений и осталась в рамках закона.

– Вы ведь потеряли сына? – давил на нее Гриффин.

– Вы собираете информацию обо мне для вашей следующей статьи, мистер Гриффин? – холодно спросила Оливия.

– Нет, и называйте меня Джек. – Он поднял обе руки, что должно было убедить ее, как подумала Оливия. Но это не помогло. – Я почти потерял своего сына, – продолжил он.

– Вы всегда донимаете людей, которые предпочитают идти по своим делам, или же я особенная?

– Вы – особенная, – ответил Джек, не задумываясь. – Я понял это в ту минуту, как только вы вынесли решение по делу Рэндаллов. И знаете, вы были правы. Каждый человек в заде суда мог видеть, что им не нужно разводиться. А вы проявили мужество и сказали это.

– Я уже объясняла ранее – не могу обсуждать свою работу.

– Но вы ведь можете выпить со мной кофе?

Джек не просил, не принуждал, но в нем было добродушие, которое подействовало на Оливию. Он обладал чувством юмора, даже некоей лукавостью. И Оливия сдалась. Вероятно, простой разговор не приведет ни к чему плохому.

– Хорошо, – согласилась она.

Оливия посмотрела на свою тележку, в уме пытаясь сосчитать, сколько времени ей потребуется для покупок.

– Тридцать минут, – предложил Гриффин, победно улыбаясь. – Я буду ждать вас в кафе.

Договорившись, он направился к выходу. Оливия ничего не могла сделать – этот мужчина вызывал в ней любопытство, а его фраза о том, что он практически потерял сына, заинтересовала ее. Вероятно, у них куда больше общего, нежели считала Оливия.

Спустя двадцать пять минут покупки были сложены в багажник машины, а Оливия вошла в кафе «Кофе и сок» по соседству с магазином. Конечно же Джек ожидал ее, грея руки о горячую чашку с латте. Он сидел за круглым столом у окна и встал, когда приблизилась Оливия. То, что он поднялся, было мелочью, демонстрацией хороших манер и уважения. Но этот вежливый жест сказал Оливии так же много о мистере Гриффине, как и все его слова и поступки.

Она села напротив Джека, и он подозвал официантку, которая сразу же появилась рядом с их столом. Оливия заказала черный кофе, и спустя минуту возле нее уже стояла большая керамическая кружка.

Джек подождал, пока молоденькая официантка, ученица старших классов, уйдет, а потом заговорил:

– Я просто хотел, чтобы вы знали – я имел в виду именно то, что написал: ваш поступок на прошлой неделе вызывает у меня восхищение. Должно быть, решение далось вам нелегко.

Оливия хотела напомнить ему, что она не может обсуждать свою работу, но Джек остановил ее, покачав головой:

– Знаю, знаю. Но по-моему, вы сделали отважный шаг, и я не мог позволить, чтобы он остался незамеченным.

Оливия предпочла бы, чтобы он не выставлял свое мнение на обсуждение всего города. Однако сейчас она ничего не могла сказать или сделать, чтобы погасить резонанс от напечатанной статьи.

– Как долго вы находитесь в Кедровой Бухте? – спросила Оливия.

– Три месяца, – ответил Джек. – Вы намеренно хотите отвлечь мое внимание от вас?

– Думаю, да, – ответила Оливия с горькой улыбкой. – Итак… у вас есть сын?

– Эрик. Ему двадцать шесть, и он живет в Сиэтле. В возрасте десяти лет ему поставили диагноз редкой формы костного рака. Никто не ожидал, что он будет

жить… – Его лицо потемнело от воспоминания.

– Но он выжил, – продолжила Оливия.

– Мой сын жив и здоров, – кивнул в знак согласия Джек. – И я крайне благодарен за это.

После Гриффин рассказал, что Эрик работает на «Майкрософт» и очень хорошо справляется. Взгляд Оливии автоматически метнулся на его безымянный палец. Джек упомянул о сыне, но не о жене.

– Эрик выжил после рака, – ответил Джек. Он определенно заметил ее быстрый взгляд. – Но к сожалению, мой брак – нет.

Значит, он понимал, что произошло в жизни Оливии, на личном, а не на профессиональном уровне.

– Мне жаль.

– Это случилось много лет назад, – беспечно пожал плечами Джек. – Жизнь продолжается, продолжаю жить и я. А вы разведены?

Хотя Гриффин и задал Оливии этот вопрос, она была уверена – он знает ответ.

– Уже пятнадцать лет, – все же ответила Оливия.

После этого разговор потек непринужденно, но пришла пора отправляться на встречу с матерью. Время для нее пролетело мгновенно. Взяв сумочку, Оливия встала и протянула руку Джеку:

– Мне приятно было познакомиться с вами.

– Мне тоже, – ответил он, вставая и пожимая ей руку.

Джек на короткое мгновение сжал ее пальцы, будто говоря, что между ними установилась связь. Когда они встретились сегодня утром – и даже до встречи, –

Джек раздражал Оливию, но он смог побороть ее недовольство. Выходя за дверь кафе, Оливия почувствовала, что у нее появился друг. Она прекрасно понимала, что Джек Гриффин – необычный мужчина. И она не сделает ошибки – не станет недооценивать его.

Ян Рэндалл сидел в своей машине возле здания, в котором располагалась квартира его жены. Он опасался, что его ожидает новое противостояние. Судья ясно дала понять, что добрачный контракт не будет аннулирован. И что теперь? У них было несколько вариантов, но ни один из них не подходил ему или его жене.

Именно Сесилия хотела развода. Она первая наняла адвоката. Черт, она вбила эту дурацкую идею и ему в голову. Сесилия хотела освободиться. Хорошо, ладно. Если она предпочитает не быть с ним, он едва ли станет бороться за привилегию оставаться ее мужем. Но сейчас в своей попытке покончить с этим браком, каким бы он ни был, они натолкнулись на неожиданное препятствие. И все потому, что подписали это соглашение, которое было предназначено для подкрепления их свадебных клятв. Какое-то решение должно быть принято. Нет смысла ждать дольше.

Ян вылез из машины и медленно вошел в здание, приближаясь к квартире на первом этаже, которую они когда-то делили. Его раздражало то, что ему приходилось звонить в дверь, которая вела в его недавний дом. После их расставания Ян вынужден был переехать на базу. К счастью, его друг Эндрю Леки позволил Яну оставить некоторые вещи в своем доме. Ян изо всех сил надавил на звонок, стараясь побороть негодование. Убрав палец с кнопки, сделал шаг назад и расправил плечи. Он скрыл свои эмоции так, как его учили на базовом курсе, не желая показывать их Сесилии.

Его жена открыла дверь и нахмурилась, увидев, кто пришел.

– Я подумал, нам необходимо принять какое-то решение, – объявил Ян решительным тоном.

Не важно, как много раз он говорил себе, что не должен чувствовать к ней ничего, но слова не помогали. Ян не мог находиться с Сесилией в одной комнате и забыть, как они занимались любовью или то, как в первый раз он почувствовал

ребенка внутри ее. А кроме того, Ян не мог забыть, как стоял над могилой дочери, так и не получив возможности подержать Элисон или сказать ей о своей любви.

Сесилия держала дверь открытой.

– Хорошо.

Сомнение в ее голосе было очевидным.

Ян последовал за ней в небольшую гостиную и присел на край дивана. Они купили его на гаражной распродаже вскоре после свадьбы. Ян не разрешил Сесилии передвигать диван, так как она была уже на третьем месяце беременности. Результатом его упрямства стала надорванная спина. Этот старый диван вызвал много плохих воспоминаний, как, например, его краткий брак.

Сесилия села напротив него, скрестив руки на груди. Ее лицо ничего не выражало.

– Должен тебе сказать, что решение судьи стало для меня своего рода потрясением, – сказал Ян, начиная обсуждение.

– Мой адвокат сказал, что мы можем подать апелляцию.

– О, конечно, – пробормотал Ян, его гнев бросался в глаза. – И потратим еще пять или шесть сотен долларов на судебные сборы. У меня нет столько лишних денег, как, впрочем, и у тебя.

– Ты не знаешь, как обстоят мои финансовые дела, – отрезала Сесилия.

Именно так начинался каждый их разговор. Сна чала они были вежливыми, почти обходительными, но через несколько минут уже спорили и ругались. Казалось, в эти дни они достигают пика гнева слишком быстро. Ян вздохнул, чувствуя безнадежность. При таком настроении, которое владело и Сесилией, и Яном, было довольно сложно поверить, что они когда-то спали вместе.

Ян отбросил мысли об их когда-то здоровой и активной половой жизни. В постели они мало в чем не соглашались, но это было раньше…

– Мы всегда можем сделать то, что предложил мой адвокат.

– И что же? – У Яна не было намерения следовать совету Алана Харрисона. Этот человек представлял интересы его жены, а не его.

– Алан посоветовал сделать то, что сказала судья, – обратиться с нашими разногласиями в Центр по урегулированию споров.

Ян вспомнил, что судья Локхарт действительно что-то упоминала об этом, но в то же время вспомнил свою реакцию на ее слова.

– И что именно под этим подразумевается? – спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал благоразумно и примирительно.

– Ну, я не могу сказать точно, но думаю, мы оба будем представлять свои интересы перед беспристрастной третьей стороной.

– И сколько это будет стоить?

– У тебя что, все сводится к деньгам? – спросила Сесилия.

– Собственно говоря, да.

Этот развод уже обошелся ему в круглую сумму. Ян упрямо повторял себе, что не он первый захотел этого.

Конечно, после смерти Элисон у них случались споры, но он не ожидал, что все придет к этому.

Сесилия не понимала, что произошло с ним, хотя Ян и старался объяснить ей это бесконечное число раз. Он не получал послание от нее до конца командировки. Его командир утаил информацию о преждевременных родах и смерти дочери, так как не было никакой возможности обеспечить перелет по воздуху. Кроме того, Ян не мог связаться с Сесилией. Наконец, прибыв на базу, он не имел даже

шанса осознать реальность их потери.

– В таком случае у тебя есть какие-нибудь предложения? – спросила жена надменным тоном, который просто сводил его с ума.

Сесилия кинула на него раздраженный взгляд. Она знала, что Ян ненавидит, когда она разговаривает с ним так, будто он еще учится в школе.

– Знаешь, да, кое-что я могу предложить, – ответил он, вставая.

– Прекрасно. Не могу дождаться, когда же услышу твои гениальные мысли. – Сесилия скрестила руки на груди излюбленным заносчивым жестом.

– Мы можем просто продолжать жить каждый своей жизнью.

– И что это значит? – спросила Сесилия, нахмурившись.

– Ты планируешь выходить замуж вновь?

– Я… я не знаю. Возможно, когда-нибудь.

Что касалось Яна, он с этим покончил. Он больше никогда не заставит себя терпеть женские эмоции и переменчивые причуды.

– Я – нет, – сказал Ян. – Мне хватило этого брака, тебя, всей этой неразберихи.

– Дай-ка я подумаю, правильно ли поняла тебя.

Сесилия тоже встала и принялась ходить по небольшой гостиной, мелькая перед ним. Ян уловил запах ее духов, и ему пришлось приложить все усилия, чтобы не закрыть глаза и не насладиться их ароматом. Он ненавидел то, что она все еще способна сделать его слабым, заставляя ожидать ее возвращения…

– Ты сможешь понять все правильно, я уверен, – произнес Ян, намеренно используя сарказм, потому что сейчас был крайне зол.

Ян не мог находиться рядом с Сесилией и не чувствовать прилива негодования. Не только на нее, но и на себя за сокрытие эмоций, которые не прорвутся наружу.

– Ты имеешь в виду, что нам не стоит разводиться? – Она проигнорировала его колкость.

– Отчасти.

Ян не хотел, чтобы Сесилия подумала, будто он стремится к воссоединению. Это не сработает – он уже знал. Несколько месяцев после смерти Элисон они оба изо всех сил старались выбраться из этой болезненной ситуации, но бесполезно.

– Отчасти? – повторила за ним Сесилия, затем махнула рукой. – Объясни. Эта идея заинтересовала меня.

– Мы будем делать вид, что разведены. – Ян был уверен, что это заинтересует ее.

– Делать вид? – Сесилия даже не стала скрывать свой гнев. – Это самая тупая идея, которую я когда-либо слышала! Делать вид, – повторила она, покачивая головой. – Думаешь, мы сможем игнорировать наши проблемы, делать вид, что их не существует?

Ян посмотрел на жену, не решаясь заговорить. Хорошо, может, она и была права. Он не хотел разбираться с этим разводом.

– Ты всегда ищешь легкие пути, – пренебрежительно сказала Сесилия.

Яну можно было приписывать разные черты, но безответственность точно не была одной из них. Флот доверял ему и отправил его служить на новейшую атомную подводную лодку – не это ли доказательство его надежности? Черт, да его воспитывали в традициях выполнения своих обязательств, его учили быть верным своему слову.

– Если бы я стремился убежать от ответственности, никогда не женился бы на тебе. – В ту же минуту, как слова сорвались с его губ, Ян понял, что совершил ошибку.

Сесилия быстро пересекла комнату.

– Я никогда не хотела, чтобы ты женился на мне из-за Элисон! Мы и так были бы в порядке… – Она оборвала себя и резко отвела взгляд в сторону. – Я не нуждалась в тебе…

– Да уж, конечно.

Его жена и дочь нуждались в нем хотя бы по причине медицинского пособия, предоставляемого флотом США.

– Ты никогда не женился бы на мне, если бы не беременность.

– Неправда.

– Не могу поверить, что была так глупа, – проговорила Сесилия, откидывая волосы с лица.

– Ты?! – воскликнул Ян.

Очевидно, Сесилия считала, что жалеет лишь она. У Яна было достаточно своих сожалений.

– Мы с Элисон были… – Она помедлила, неожиданно замолчав. – Мы…

– Элисон была и моей дочерью, и будь я проклят, если позволю тебе говорить мне же о моих чувствах. Перестань передергивать мои слова и преуменьшать мои чувства к ней. Хотя меня и не было рядом, когда она родилась, это не значит, что мне все равно. Господи, я был под полярным льдом, когда ты отправилась на роды. Ты не должна была рожать до…

– Теперь ты обвиняешь меня. – Сесилия зажала рот рукой, будто сдерживая эмоции.

Разговоры с ней никогда не приносили ничего хорошего. Ян пытался. Черт, он пытался, но так и не смог ничего добиться. Они опять не могли найти компромисс.

Не желая продлевать мучение, Ян вырвался из квартиры. За его спиной стукнула дверь, и он не был уверен, закрыл ли ее он, или же дверь захлопнула Сесилия.

Он покинул здание, неистово печатая шаг, и забрался в машину. Чувствуя себя не лучшим образом, он понимал, что ему не следует вести автомобиль, но он не собирался торчать возле ее квартиры. Тогда Сесилия может подумать, что он сидит и тоскует по ней.

Ян завел двигатель и включил передачу. Когда он сорвался с места, прожигая резину, послышался визг тормозов. Ян не проехал и четверти мили, когда увидел крас но-синие огни полицейского автомобиля, мига ющие сзади.

Полицейские. Вот черт! Он сбросил скорость, остановился у обочины и опустил окно. К тому моменту, как к его автомобилю подошел офицер, Ян уже вытащил свое военное водительское удостоверение из бумажника.

– Доброе утро, сэр, – сказал Ян, размышляя, насколько хорошим актером он может быть.

– Слегка поспешили, не так ли? – спросил полицейский.

Он был среднего возраста, с отличной осанкой и коротко подстриженными волосами. Все в полицейском свидетельствовало о военном прошлом, и, вероятно, поэтому он даст Яну небольшую поблажку.

– Поспешил? – повторил Ян и заставил себя расслабиться. – Не совсем.

– Вы ехали со скоростью сорок там, где скорость ограничена двадцатью милями в час.

Полицейский взглянул на права и стал выписывать квитанцию. Очевидно, военный статус Яна не произвел на него никакого впечатления.

Похоже, Яну не дадут возможности договориться об этом инциденте. Он быстро посчитал, сколько ему будет стоить штраф, и прибавил к этой сумме тариф по страховке.

«Скажи спасибо Сесилии», – с горечью подумал он. Цена развода продолжала расти.

Грейс Шерман и Оливия Локхарт были лучшими подругами почти всю жизнь. Они встретились в седьмом классе, когда ученики из начальных школ Саус-Ридж и Маринер-Глен переходили в среднюю школу Колчестер. Грейс была подружкой невесты, когда Оливия вскоре после окончания колледжа выходила замуж за Стэнли Локхарта. А после рождения ее сына Джеймса стала его крестной.

Летом после окончания колледжа Грейс вышла замуж за Даниеля Шермана, и у них вскоре появились две дочери. Когда Келли, младшей дочери Грейс, исполнилось шесть, Грейс продолжила образование и получила степень бакалавра по библиотечному делу. А после начала работать в библиотеке Кедровой Бухты и за десять лет стала главным библиотекарем.

И даже когда Оливия училась в престижном женском колледже в Орегоне, а Грейс сидела с двумя маленькими детьми, они все равно были близки. И так оставалось по сей день. Хотя подруги вели активную жизнь, они договорились о постоянных ритуалах, которые поддерживали их дружбу. Раз в месяц вместе обедали. И каждую среду в семь вечера встречались в классе аэробики в местном отделении Христианской ассоциации молодых людей.

Грейс ждала подругу на ярко освещенной парковке. Она не очень хорошо себя чувствовала, когда покидала дом. Ощущение было всеобъемлющим. Грейс испытывала физическую усталость – она набрала вес и не могла больше оправдывать это своим женским циклом. Годами она могла поддерживать свой вес в пределах формулы «вес в колледже плюс четыре килограмма», но за последние пять лет прибавила лишних семь килограммов. И это случилось, несмотря на все ее усилия. Каким-то образом вес увеличивался. Грейс также была недовольна и другими аспектами своего внешнего вида. Ее черные с проседью волосы определенно нуждались в стрижке. Но, хорошенько подумав, она решила рискнуть и отрастить их. Грейс хотела перемен, хотя и не была убеждена, что это сильно изменит положение дел.

Не лучше чувствовала она себя и в эмоциональном плане. После тридцати пяти лет брака Грейс знала своего мужа так же хорошо, как и себя. Что-то беспокоило Дэна, но, когда она аккуратно спросила его об этом, муж разозлился, и они

поругались. Он ранил ее чувства, и Грейс убежала, так и не решив проблемы.

Большую часть времени, что длился их брак, Дэн работал лесорубом. Когда для отрасли настало тяжелое время, он устроился работать в местную службу по обрезке деревьев. Работа не была такой постоянной, как хотели бы супруги, но с ее заработком и отличным планированием бюджета они справлялись. Они не могли позволить себе лишних трат, но это не волновало Грейс. У нее были муж, дети, друзья и прочная крыша над головой.

Грейс смотрела, как на парковку заезжает темно-синий седан Оливии, а потом наблюдала, как подруга вылезает из машины со спортивной сумкой в руке. Следом из своего автомобиля вышла и Грейс.

– И как это – ощущать себя знаменитостью?

– Только не ты, ладно? – взмолилась Оливия, когда они направлялись к зданию. Она придержала дверь для Грейс. – У меня из-за этой глупой статьи одни лишь неприятности.

Грейс улыбнулась, когда щеки подруги покрылись краской.

– Я сказала ему, что думаю, – пробормотала Оливия, когда они проходили мимо группы подростков, направляющихся в бассейн.

В раздевалке подруги поставили сумки на скамью, переоделись и сменили обувь.

– Ты встречалась с Гриффином? Когда? – спросила Грейс, поставив одну ногу на скамью и завязывая шнурок.

– В субботу.

Грейс вопросительно подняла брови. Ей стало интересно, почему Оливия умалчивает о деталях.

– Где?

– В городе.

– Эй, в чем дело? – непонимающе спросила по друга.

– В чем дело? Все нормально, – ответила Оливия. – Просто я случайно столкнулась с Джеком в магазине, и мы… поговорили немного.

– Почему у меня такое чувство, будто ты чего-то не договариваешь?

– Поверь, нечего рассказывать, – убеждала подругу Оливия, натягивая на лоб повязку для волос.

– Поверить? – эхом отозвалась Грейс, следуя за Оливией из раздевалки в комнату для занятий аэробикой. В коридоре сновали взрослые и дети, и Грейс с Оливией пришлось остановиться несколько раз, чтобы позволить им пройти. – Ты никогда не замечала, что люди просят доверять им только в том случае, когда этого действительно не стоит делать?

Оливия остановилась, а затем стала делать несколько разогревающих упражнений.

– Нет, не замечала, но ты права.

Она подняла ногу на балетный станок и наклонилась лбом к колену.

Грейс облокотилась на станок, завидуя пластичности подруги. Ее собственное тело было куда менее гибким.

– Ты знаешь, что об этой статье говорили всю неделю?

– Просто превосходно.

Игнорируя сарказм Оливии, Грейс продолжила, ее голос был обманчиво мягким:

– Вообще-то большая часть разговоров сводилась к Джеку Гриффину.

– Что-то интересное? – спросила подруга, поднимая голову.

Грейс пожала плечами и поправила пояс шорт из спандекса.

– О, всего несколько вещей.

– Например?

Грейс не собиралась облегчать ей дело. Оливия никогда, на памяти Грейс, после развода не выказывала интереса ни к одному мужчине. Некоторое время Грейс казалось, что ее подруге следует вернуться на свою стезю, как говорили люди. И Грейс думала, что этот термин наиболее подходит для библиотекаря.

– Ты действительно хочешь знать?

Казалось, вопрос предполагает ответ, который необходимо как следует обдумать.

– Нет, забудь, – сказала Оливия, но через несколько секунд изменила решение. – Хорошо, мне любопытно. Что ты слышала?

– Он переехал в Кедровую Бухту три месяца назад.

– Это я уже слышала, – пробормотала Оливия. – Если ты знаешь только это…

– Он приехал из города Спокана. Для Оливии это стало новостью.

– Он работал там в газете?

– Да, причем газета в десять раз превосходила по тиражу наши «Хроники».

Грейс по природе не была сплетницей, но интересовалась Джеком Гриффином с тех пор, как прочитала его первую субботнюю колонку. Ей нравилось то, что он писал, и было очевидно, что Гриффин поддерживает Оливию. Грейс мимолетно встречалась с ним в торговой палате вскоре после его приезда в бухту, но пока не сформировала своего мнения насчет этого человека.

– Почему мужчина бросил работу в престижной газете и через весь штат приехал в маленький городок Кедровая Бухта? – спросила Грейс Оливию.

– Я знаю об этом столько же, сколько и ты, – пожала плечами подруга. – Вероятно, он хотел быть ближе к сыну.

– У него есть сын? – Никто из тех, с кем говорила Грейс, не знал об этом.

– Эрик. Он живет в Сиэтле.

– Это интересно. – Но не успела она продолжить свою мысль, как в зал вошла их инструктор Шеннон Дэвлин. Женщина похлопала в ладоши, чтобы привлечь внимание учеников. – Поверь мне, в этой перемене участи карьерных соображений куда больше, нежели можно увидеть невооруженным глазом.

– Ты думаешь?

– Да, поверь мне, – засмеялась Грейс.

Оливия скривилась, положила руки на бедра и начала вращать корпусом, делая большие повороты следом за Шеннон, которая проводила разогревающую гимнастику.

– Ты слишком много времени провела в отделе мистики библиотеки, – прошептала Оливия, когда они заняли свои места перед зеркалом во всю стену.

В двадцать лет Шеннон была симпатичной девочкой с гибким телом и без капли жира. Фигура Грейс тоже когда-то была стройной и идеальной, напомнила она себе, – до двух детей и наступления менопаузы.

Музыка, невероятно громкая, придала ей энергии. Она любила и ненавидела этот класс. Если бы не Оливия, Грейс уже сто раз бросила бы аэробику. Но к сожалению, она нуждалась в результатах всех этих подъемов, растяжек и правильного дыхания. Несмотря на боль в мышцах, Грейс не была против упражнений на коврике приседаний и тому подобного, но она ненавидела танцевальные упражнения Шеннон. Шаг назад, скользим влево, перекрест направо… Казалось, у Оливии никогда не возникает проблем со сложными

комбинациями, но Грейс же абсолютно не соответствовала своему имени.

Спустя пятьдесят минут разминки и бормотания сквозь зубы, а также расслабляющих упражнений они закончили. Не очень-то быстро, как казалось Грейс.

– Ты еще что-нибудь узнала о Джеке Гриффине?

Грейс должна была обдумать вопрос подруги. После аэробики ее мозгу всегда требовалось немного времени, чтобы прийти в себя.

– Ты знаешь о нем куда больше меня, – наконец сказала она.

– Сомневаюсь, – возразила Оливия, беря в руку свою спортивную сумку.

– Тебе ведь он интересен?

– О, едва ли, – засмеялась над предположением Грейс Оливия. – У меня достаточно волнений и без любовных отношений.

– Волнений? – Определенно у подруги были те же заботы, что и у всех остальных людей на земле.

– Мама стареет, а еще Джастин… кажется, я просто не могу больше с ней разговаривать. Кроме того, две последние недели я не общалась с Джеймсом.

– Я думала, он в море.

– Так и есть, но он мог бы написать мне на электронную почту.

– Ладно, ладно, у нас у всех есть проблемы с детьми, родители тоже прибавляют беспокойства, но это не значит, что мы должны остановить свою собственную жизнь.

– Думаешь, я перестала жить просто потому, что в моей жизни нет мужчины? – спросила Оливия.

Грейс понимала, что ее слова обидели Оливию. Сначала произошла размолвка с мужем, а потом она обидела свою лучшую подругу, хотя Грейс не хотела расстраивать никого из них.

– Я не это имела в виду, – попыталась она убедить Оливию. – Я просто думаю, что тебе не стоит закрываться перед Джеком.

– И почему же?

– Потому что.

И это был единственный ответ, который Грейс была готова дать, хотя ее не оставляло предчувствие, что новый редактор «Хроник» принесет в жизнь Оливии нечто новое и волнующее.

Глава 3

Сесилия работала администратором в ресторане «Капитанская галера» в то время, когда познакомилась с Яном Рэндаллом. И продолжала там работать пять вечеров в неделю. Ее отец Бобби Меррик был одним из барменов, и именно он предложил ей работу.

Вскоре после окончания школы Сесилия переехала в Кедровую Бухту по совету отца. После долгого отчуждения он связался с ней, обещая наверстать упущенное время. Казалось, Бобби говорит правду, и по причине того, что Сесилия чувствовала себя обманутой отцом в детстве, она с готовностью согласилась. После развода родителей, когда ей было десять лет, Сесилия практически не ви делась с отцом и приняла его внезапное предложение. Не обращая внимания на опасения матери, Сесилия резко изменила свою жизнь и переехала через всю страну – из Нью-Гэмпшира в маленький прибрежный городок в штате Вашингтон. Уже три месяца спустя она поняла, что совершила ошибку. Ее мечты о высшем образовании так и остались мечтами. Стремления Бобби обустроить ее будущее свелись к разговору с начальником насчет получения Сесилией работы в том же ресторане. Сесилия не хотела провести все оставшиеся годы, работая администратором и официанткой в баре. Она

позволила своей жизни сбиться с тропы, хотя она и не желала этого.

Сейчас она стояла на пороге развода, по уши в долгах и чувствовала себя невероятно жалкой. Ее иллюзии относительно отца и мужчин вообще полностью улетучились. Бобби хотел быть ее другом так же сильно, как Сесилия нуждалась в друге. Но он не мог дать то, что ей нужно.

Сесилия поклялась однажды, что найдет способ начать учебу в колледже, но прежде ей необходимо было придумать, как заплатить за обучение.

Учитывая судебные сборы и стоимость похорон дочери, Сесилия подозревала, что ей исполнится как минимум тридцать лет, когда она наконец сможет позволить себе учебу. Бобби не мог помочь ей финансово – он дал понять это достаточно ясно.

В попытке увеличить свой заработок Сесилия брала дополнительные часы в выходные, подавая напитки в баре, так как ресторан закрывался в десять. Частенько она попадала домой не раньше трех утра.

Появившись на работе поздним вечером в пятницу, Сесилия знала, что ее ожидает беспокойная смена. В городе находился авианосец «Карл Винсон», команда которого составляла две тысячи пятьсот моряков. Их ресторан предлагал лучшие блюда из морепродуктов, а бар был популярным местом для посиделок.

Именно сюда как-то вечером в прошлом январе пришел Ян, чтобы выпить. Он положил глаз на Сесилию, и она так же жадно наблюдала за ним. А потом он… Сесилия мысленно встряхнула себя. Она не хотела думать о муже и пыталась вытеснить его из своего сознания. Но ее усилия ни к чему не привели.

Сесилия не видела и не слышала его с того дня, когда неделей ранее Ян пулей вылетел из ее квартиры. Они так и не приняли решения, что делать дальше. Для него это было типично, со злостью думала Сесилия. Ян всегда оставлял принятие решений ей. Если они будут дальше разбираться с этим разводом, тогда Сесилия выбрала бы Центр по урегулированию споров, хотя их разногласия никогда не будут разрешены… Сесилия покорно вздохнула. Очевидно, ей нужно договориться о встрече. Так называемое предложение Яна о том, что им нужно просто притворяться разведенными, было нелепым.

Абсолютно нелепым!

Бар уже наполнялся, когда закрылся ресторан. Сесилия собрала свой поднос и присоединилась к Беверли и Карле, двум другим официанткам в баре. Зал был заполнен густым сигаретным дымом, в воздухе витал запах пива. Музыка играла оглушительно громко. Сесилии приходилось напрягать слух, чтобы расслышать заказы посетителей.

Мужчина, одиноко сидящий за столиком, казалось, специально говорил слишком тихо, чтобы Сесилия наклонилась к нему ниже. Он был старше ее – как минимум лет сорока. Из-за него у Сесилии все тело покрылось мурашками, и она пыталась игнорировать навязчивого клиента. То, как его глаза следили за ее движениями, заставляло Сесилию содрогаться.

Ко времени закрытия оставалось всего несколько клиентов. К сожалению, ее воздыхатель был одним из них. Ступни Сесилии болели, а глаза жгло от дыма. Она всей душой желала взять свои чаевые и отправиться домой. Именно в тот момент, когда Сесилия думала, что с работой на сегодня покончено, в бар вошел Ян вместе с Эндрю Леки, тоже моряком.

Сесилия напряглась, особенно когда заметила, в каком состоянии Ян. Было очевидно, что их бар – не первая его остановка. Ее муж никогда не умел пить и по большей части ограничивался пивом.

Все внимание Сесилии было сосредоточено на Яне, хотя ей необходимо было вести тщательный учет заказов клиента, чей взгляд был приклеен к ней последние четыре часа.

– Ты не хотела бы перекусить? – раздался сзади нее охрипший мужской голос.

Сесилия развернулась.

– Я Барт, а ты ведь Сесилия?

– Да.

Она наблюдала, как Ян и его друг подходят к бару. Казалось, ее муж делает вид, что Сесилии здесь нет.

– Вообще-то ночь была длинной, – ответила она, ее взгляд быстро вернулся к Барту. – В другой раз.

«В твоих мечтах», – мысленно добавила Сесилия.

– Ты, должно быть, голодна.

– А…

Ян наконец посмотрел в ее сторону, и его глаза сузились, когда он заметил, что Сесилия разговаривает с другим мужчиной.

– Эй, в этом нет ничего страшного. Просто завтрак, разговор. – Барт не отступал. – Ты выглядишь так, будто тебе нужен друг, а я могу быть очень хорошим… другом.

Теперь Сесилию уже не волновал Ян, она думала, как бы отвязаться от Барта.

– Я так не думаю.

– Тогда завтра, только ты и я.

– Я…

Ее взгляд метнулся от Барта к Яну, который сердито смотрел в их сторону. Сесилия боялась, что он затеет ссору, а она хотела всеми силами этого избежать.

Ян наклонился к другу и что-то прошептал, но Эндрю категорически покачал головой. Сесилия видела, что Ян ищет неприятности, а друг старается урезонить его.

– Может, как-нибудь в другой раз, – быстро ответила Сесилия. Лучшим выходом ей казалось отделаться от Барта до того, как Ян наделает глупостей. Но ее муж уже отошел от бара.

– Он пристает к тебе? – спросил Ян, его язык уже слегка заплетался.

– Отвали, – буркнул Барт, испытывая злость оттого, что им помешали.

Похоже, ему казалось, что он добился благосклонности Сесилии. Он был не прав, но Ян не знал этого, впрочем, как и сам Барт.

Эндрю постарался остановить друга, но Ян стряхнул его руку и сделал угрожающий шаг. Он не собирался уступать, несмотря на то что вес Барта превышал его собственный как минимум килограммов на двадцать.

– Если ты не знал, сообщаю тебе, что ты стараешься подцепить мою жену.

Барт посмотрел на Сесилию, будто оценивая, правда ли это. Она же не осмелилась встретиться с ним взглядом.

– Мы разведены, помнишь? – едко заметила Сесилия, напоминая мужу, что идея притворяться, будто они больше не супруги, принадлежала именно ему.

– Ни черта.

– Именно ты сказал, что мы должны жить каждый своей жизнью.

– Я… я… – бормотал Ян в поиске достойного ответа.

– И почему это ты беспокоишься, что я встречаюсь с другим мужчиной?

– Потому что, пока нет решения судьи, ты официально моя жена!

– Так ты замужем или нет? – пробормотал Барт.

– Замужем! – закричал Ян.

– Разведена, – ответила Сесилия.

– В таком случае пойдем, – сказал Барт, беря в руку куртку.

– Никуда она не пойдет. – Ян начал было приближаться к Барту, но Эндрю встал между ними.

– В любое время приятель, – зарычал Барт.

– Сейчас, мне кажется, наиболее подходящий момент, – ответил Ян, поднимая сжатые кулаки.

– Убирайтесь, – закричала Сесилия. – Оба! Я не собираюсь никуда идти ни с одним из вас.

Она побежала в сторону задней комнаты, где как раз вовремя скрылся ее отец, делая вид, будто проверяет товар.

– Что там происходит? – спросил Бобби Меррик, прикидываясь, что не знает о ситуации, в которой оставил свою дочь.

Бобби и Ян никогда не ладили, но ее отец избегал любого противостояния между ними, стараясь не встречаться с мужем Сесилии.

– Ничего, – покачала головой Сесилия.

– Все в порядке?

– Здесь Ян, и он нарывается на драку. Вот и все.

– Я не хочу неприятностей, – сказал ее отец, нахмурившись. – Скажи, чтобы он убирался отсюда.

– Да. – Сесилия устало вздохнула. – Я так и сделала. А сейчас я ухожу.

– Сначала избавься от Яна.

– Не беспокойся, я уверена, что он ушел. Сесилия взяла сумочку и пальто, свою долю чаевых и направилась к главной двери, надеясь, что не натолкнется на драку между мужем и незнакомцем. К удивлению Сесилии, Ян не ушел. Они уставились друг на друга из разных концов зала.

Кроме них, в баре была только Беверли, которая готовила наличные для банка.

– Спокойной ночи, – пробормотал она, не отрываясь от своего занятия.

– Мы закрыты, – обратилась Сесилия к Яну.

– Ты действительно собиралась уйти с этим мужиком? – спросил он, не обращая внимания на реплику жены.

Отвращение в его голосе раздражало ее.

– Это не твое дело.

Ян долгое мгновение смотрел на Сесилию, затем повернулся и вышел за дверь.

Сесилия поборола желание побежать за ним. Он не был сейчас способен вести машину. Она помедлила, споря сама с собой. Ян не оценил бы ее беспокойство, и оно, вполне возможно, произвело бы на него неверное впечатление. Всего несколько минут назад Сесилия потребовала, чтобы он не вмешивался в ее жизнь. Меньшее, что Сесилия могла сделать, – последовать своему же совету и держаться в стороне от его жизни.

Дверь открылась, и она подняла глаза, думая, что вернулся Ян. Но вместо него в баре стоял его друг. Казалось, Эндрю чувствует неуверенность и неловкость. Сесилия плохо знала этого моряка, совсем недавно переведенного в Бремертон.

– В чем дело? – сухо спросила она.

– Я подумал, вам следует знать, что Ян отправляется в море. Его перевели на «Джорджа Вашингтона».

Сесилия ничего не понимала. «Джордж Вашингтон» был авианосцем. Ян же – подводник, электротехник атомной подводной лодки.

– Его не будет шесть недель? – ошеломленно спросила она, не понимая смысла перевода.

– Скорее, шесть месяцев.

– О! Шесть месяцев?

– Поэтому он пришел сегодня. Хотел, чтобы вы знали. Сесилия даже не представляла, что сказать.

– Он не собирался доставлять вам неприятности.

– Он и не доставил их… разве что… – Сесилия с трудом сглотнула.

Эндрю оглянулся через плечо, будто услышал, как кто-то позвал его по имени.

– Я должен идти. Просто хотел сказать вам, что мне жаль вашу маленькую девочку.

– С-спасибо, – только и смогла ответить Сесилия.

Но Эндрю уже ушел. Сесилия подождала несколько минут и решила, что ее душевное спокойствие куда ценней, нежели гордость. Она должна была убедиться, что Ян не сядет за руль. Поспешив на улицу, Сесилия встала на тротуаре, высматривая автомобиль мужа. Его нигде не было.

Ее наполнили чувство потери, пустота. Ян уйдет в море на шесть месяцев, и она не желала думать об этом. Сесилия не хотела чувствовать к нему ничего, но у нее это не получалось. «Во всяком случае, – сказала она себе, – его желание сбылось». Пока Ян будет в море, Сесилия не сможет развестись с ним.

Усталая и удрученная, Сесилия направилась к своей старой машине. Ее плечи содрогались от холода. Сегодня ночью явственно чувствовался запах океана, а

над бухтой низко лежал туман. Мимо нее медленно проехал автомобиль. Подняв взгляд, Сесилия узнала машину Яна. Слава богу, за рулем сидел Эндрю. Взгляды Сесилии и ее мужа пересеклись.

Сесилия была шокирована желанием, которое увидела в его глазах. Ей пришлось приложить все силы, чтобы не остановить их. Она очень хотела пожелать Яну хорошего плавания и проводить его без враждебности, которая возникла между ними.

Но было поздно. Слишком поздно.

В следующий визит к Тому Хардингу Шарлота Джефферсон надела свое лучшее платье – голубое с вытканным горошком, с длинными рукавами и широкой юбкой. Она усердно работала, чтобы закончить для него плед. И он оказался превосходным, даже сама Шарлота признавала это.

Том сидел в своем инвалидном кресле, когда она вошла в комнату.

– Я говорила, что вернусь, – сказала Шарлота, тепло улыбаясь.

На его руке лежала газета. Новый друг Шарлоты прекрасно выглядел. На щеках играл румянец, а глаза были яркими и чистыми.

Том кивнул, очевидно испытывая радость от встречи. Его правая рука нетвердо показала на пустой стул.

– Спасибо, – сказала Шарлота, грациозно опускаясь на сиденье. – Я возвращаюсь с похорон мужа моей подруги.

Том пристально посмотрел на свою посетительницу.

– Мы дружим с Айверсонами много лет, – сказала Шарлота. – Он был хорошим человеком. Умер от рака легких. Курил как паровоз. – Она грустно покачала головой, затем положила ногу на ногу и сняла левую туфлю. – Была на ногах почти весь день, – объяснила Шарлота. – Я уже не такая молодая, как раньше, и смерть Ллойда Айверсона действительно потрясла меня. – Вздохнув, она

посмотрела на Тома. – Как прошла неделя?

Том пожал плечами.

– С вами хорошо обращаются?

Он кивнул, будто говоря, что у него нет жалоб.

– Как еда?

Еще одно пожатие плеч.

– Кстати, о еде, – радостно начала Шарлота, – ко мне попал самый изумительный рецепт лазаньи с брокколи. Я обожаю выискивать хорошие рецепты. В прошлом месяце мы похоронили Мэрион Пэрсонс, и женщина из ее церкви приготовила превосходную лапшу со сливками. Спагетти с зефиром и сверху сливки. Это было великолепно!

Тут Шарлота подумала, что Тому, вероятно, неинтересно слушать о рецептах, которыми обмениваются на поминках.

– Я рада, что вам нравится здесь, в Кедровой Бухте. – Он кивнул вновь. – Думаю, я сделаю противень этой лазаньи и принесу половину своей дочери. Сейчас она живет одна, и не думаю, что ест достаточно овощей.

Не важно, что ей пятьдесят два, – она все еще моя маленькая девочка, и я беспокоюсь о ней. Том слабо улыбнулся.

– Хотите, я принесу кусочек и вам?

Сморщившись, Том покачал головой.

– Вам не нравится брокколи? Вам и Джорджу Бушу. Не тому Джорджу, который Уокер, – я не знаю, любит ли он брокколи.

Том вновь покачал головой.

– Брокколи хороши для кишечника. А в нашем возрасте об этом стоит подумать.

Шарлота сразу же засмеялась, думая, как отреагировала бы на ее слова Оливия. Шаркая правой ногой, Том с трудом подкатил кресло к своей тумбочке.

– Вы хотите, чтобы я дала вам что-то? – спросила Шарлота.

Его седая голова склонилась.

– Это в тумбочке? – спросила она.

Его карие глаза были выразительны – в них читалось «да».

Шарлота открыла ящик и нашла ручку, блокнот и маленький кошелек, который закрывался на «молнию». Несколько лет назад у нее был такой же. Она взяла ручку и бумагу, думая, что Том хочет, чтобы она сделала запись.

Он нахмурился и покачал головой.

Шарлота взяла кошелек и посмотрела на него снова.

Том улыбнулся и кивнул.

– Хотите, чтобы я открыла его?

Шарлота поняла, что права, и аккуратно расстегнула маленький кожаный кошелек. Внутри лежал свернутый листок желтой бумаги, который она и достала. Она отложила в сторону кошелек и поняла, что в бумаге что-то лежит. Ключ.

– Что это? – спросила Шарлота, теперь открыто проявляя любопытство.

Том откинулся назад – казалось, он ждет, пока она сама найдет ответ.

Шарлота развернула листок и увидела, что бумага является чеком за камеру хранения здесь, в Кедровой Бухте. Она и предположить не могла, как Том смог

организовать это. Ей необходимо спросить у Джанет Лестер.

Не зная, что ей делать с ключом, Шарлота вопросительно посмотрела на Тома.

– Кажется, все в порядке, – сказала она мужчине, возвращая ключ и чек обратно в кошелек. Она собиралась положить его обратно в тумбочку, но Том остановил ее, наклонившись вперед и хлопая по ее предплечью правой рукой.

Его глаза умоляли.

– Вы не хотите, чтобы я положила это обратно? – спросила Шарлота.

Том покачал головой, тяжело дыша от напряжения.

– Что вы хотите, чтобы я сделала?

Он прямо посмотрел на ее сумочку, которая стояла на полу рядом с большим пакетом для вязания.

– Взять с собой? – Том кивнул. – Но не лучше ли отдать все это кому-нибудь из сотрудников?

Шарлоте определенно лучше было сделать так, а не брать ключ и чек себе.

Том в ответ покачал головой, выражение его лица была непреклонным.

– Хорошо, но мне кажется, я должна рассказать об этом Джанет. – Он пожал плечами, а Шарлота положила кошелек в свою сумочку, а затем потянулась к пакету с вязанием. – Не беспокойтесь, ваш ключ в хороших руках. Я удостоверюсь, чтобы с ним ничего не случилось. Я связала для вас плед. Вам необходимо согревать ноги. По утрам в январе воздух уже слишком холодный, вы заметили?

Шарлота положила плед на его колени и отступила назад, восхищаясь своей работой. Том улыбнулся и сделал нетвердый жест в знак благодарности.

– Не за что, – ответила она.

Глаза Тома быстро закрылись, и Шарлота подумала, что он устал. Ей пора уходить.

– Я вернусь в следующую среду, – произнесла она, собирая свои вещи. Он едва заметно кивнул. – И не беспокойтесь о вашей вещи. Да, и еще я принесу вам кусочек лазаньи.

Он сделал протестующую гримасу и покачал головой.

– Хорошо, я освобожу вас от нее. – В любом случае Том, вероятно, был на особой диете. – Обещаю как следует позаботиться о вашем ключе.

Он вздохнул и похлопал по пледу.

– Я с удовольствием сделала его для вас. Встретимся на следующей неделе.

Шарлота покинула его комнату куда тише, нежели вошла в нее. И немедленно отправилась на поиски социального работника. Она не хотела забирать ключ без ведома администрации.

Джанет была в своем кабинете, говорила по телефону. Увидев Шарлоту, она жестом попросила ее войти и минутой позже закончила разговор.

– Здравствуйте, Шарлота, могу чем-нибудь помочь вам?

Шарлота рассказала женщине историю о Томе и его ключе.

Джанет подкатилась на стуле к шкафу, где хранились документы, и открыла верхний ящик. Вытащив папку, положила ее на стол. Пробежав глазами по документу, Шарлота еще раз взглянула на чек за камеру хранения. Она увидела, что счет продлен и оплачен госу дарством, причем оплачен на весь год. Очевидно, деньги Тома закончились, и именно поэтому он оказался на попечении государства. То, чем он владел, находилось в ячейке, и эти вещи будут проданы после его смерти.

Джанет продолжала изучать документ.

– К сожалению, здесь самый минимум информации. Томас был парализован пять лет назад, но здесь нет ничего о его семье и никаких сведений о прошлом.

– Кажется, он хотел, чтобы ключ находился у меня, – проговорила Шарлота, не уверенная в правильности своих действий.

– Тогда считаю, что вам так и следует поступить. Я знаю, что он у вас, кроме того, это знает Том.

– Хорошо, я так и поступлю. – Разобравшись с этим вопросом, Шарлота встала. – Он замечательный человек.

– Да, но немного загадочный.

Шарлота вынуждена была согласиться и поняла, что теперь она заинтригована.

Грейс Шерман взяла упаковку молока и положила ее в тележку, а затем направилась к кассе. Когда она направлялась в эту часть магазина, ей пришла в голову мысль пойти в обход и поискать полку с книгами в мягких обложках. Книги были ее страстью – книги любого рода, от классики до мистики и дамских романов, от бестселлеров до биографий и истории – да практически все, что угодно. Грейс любила читать и очень часто засиживалась до глубокой ночи. Именно по этой причине она устроилась на работу в библиотеку. Ее дочери разделяли любовь к книгам, а вот Дэн никогда не был ярым читателем.

Дойдя до секции с книгами, Грейс выбрала одну из них, а затем взяла номер журнала «Пипл» и листала его, пока ждала своей очереди. И только подойдя к кассе, Грейс осознала, что боится ехать домой.

И это понимание заставило ее затаить дыхание. У них заканчивалось молоко, но пока не было необходимости специально ехать за ним. Грейс спокойно могла подождать еще день или два. Но так как все равно была в магазине, она взяла несколько упаковок пасты, туалетной бумаги и йогурта… чтобы хоть как-то оправдать свое присутствие в супермаркете. На самом же деле она откладывала

разговор.

Дэн в последнее время пребывал в подавленном настроении. Вероятно, у него неприятности на работе, но это было всего лишь предположение, потому что муж отказывался говорить с ней о чем-либо, кроме повседневных вещей. Любые же другие вопросы он удостаивал односложными ответами. Куда больше его интересовал телевизор, чем разговор с Грейс и рассказ о своих делах.

Грейс стремилась понять, что происходит, но муж ссорился с ней каждый раз, когда она пыталась вызвать его на откровенность. Каждый вечер заканчивался одним и тем же. Возвращение в дом после работы было сродни попаданию в эпицентр бури с грозой – Грейс никогда не могла понять, когда же ударит молния. Дэн был неразговорчив и холоден, и она бесконечно рассказывала о тех или иных вещах в попытке улучшить его настроение и предотвратить его вспышки гнева. Казалось, они всегда приходят без предупреждения.

Дэн слушал ее, кивал время от времени, даже улыбался, но не говорил ни слова. Чем тише был муж, тем сильнее Грейс старалась растормошить его, но бесполезно. Почти каждый вечер он усаживался перед телевизором и не двигался, пока не приходило время ложиться спать.

Это не было похоже на брак. Они с таким же успехом могли быть соседями по комнате в колледже, если судить по степени любви и близости, которая была между ними.

Их брак и раньше не оправдывал ожиданий Грейс. Когда ей исполнилось восемнадцать, она забеременела Мэрилин, и они с Дэном поженились. Он записался в армию, и почти тотчас его забрали во Вьетнам. Те два года, которые муж отсутствовал, были адом и для него, и для нее.

Вернувшись, Дэн был уже не тем молодым человеком, которого она знала. Дэн стал озлобленным и циничным, был склонен к вспышкам ярости. Кроме того, он стал употреблять таблетки, и, когда Грейс воспротивилась этому, они некоторое время жили отдельно.

Ради Мэрилин они смогли помириться на достаточно долгий срок, чтобы Грейс забеременела во второй раз. А потом, ради своих дочерей, Дэн и Грейс изо всех сил старались, чтобы их брак не разрушился.

Война все еще преследовала его, и много лет Дэн просыпался посреди ночи из-за кошмаров. Он никогда не говорил о том, что ему пришлось пережить. Все это он держал в себе. И на всем протяжении их брака Грейс продолжала надеяться, что отношения наладятся – когда девочки пойдут в школу, когда Грейс закончит свое обучение и получит работу в библиотеке, когда девочки окончат школу… Тогда-то дела определенно пойдут лучше. Годы, наполненные надеждой и поиском добрых знаков.

Но не всегда все было так плохо. Конечно, они знали и хорошие времена. Когда дочери пошли в начальную школу, Грейс поступила в колледж «Олимпик», а после перевелась в Сиэтл, чтобы посещать Вашингтонский университет. Дэн был удивительно надежным, работал на двух работах и помогал дочерям.

Мэрилин и Келли были сложными подростками, но, повзрослев, стали ответственными девушками. Дэн очень любил дочерей. Грейс никогда не ставила под сомнение его преданность детям, но сомневалась, что он все еще любит ее.

Несколько последних лет больно ранили самолюбие Дэна. Его карьера закончилась, а работа в компании по обработке деревьев не могла даже отдаленно сравниться с заготовкой леса. Сейчас из дохода Грейс оплачивалась большая часть семейных трат, и она подозревала, что это беспокоит мужа, хотя Дэн ничего не говорил. Они не говорили и о деньгах, потому что Грейс избегала любой темы, которая могла бы расстроить его.

Хотя она приехала домой на полчаса позже обычного времени, Дэн никак это не прокомментировал, когда Грейс прошла в кухню, неся свои покупки.

– Я дома, – без необходимости объявила она, ставя пакет на стол.

Дэн уже занял свое место у телевизора и смотрел местные новости. Он снял обувь и положил ноги в носках на скамеечку, придвинутую к его старому мягкому креслу.

– Я подумала, может, приготовить салат «тако» на ужин. Что думаешь?

– Отлично, – ответил Дэн без энтузиазма.

– Как прошел день?

– Хорошо. – Его глаза даже не оторвались от экрана телевизора.

– Ты не спросишь про мой день? – произнесла Грейс с растущим раздражением.

По крайней мере, он мог бы продемонстрировать некий интерес к ней и ее жизни, пусть это было бы лишь формальностью.

– Как прошел твой день? – пробормотал Дэн, хотя его тон оставался безразличным.

– Ужасно! – Никакой реакции. – Не спросишь почему?

– Можешь сказать, если хочешь.

Мужчина, с которым она прожила тридцать пять лет, не мог быть более бесчувственным. У Грейс не осталось сил это выносить. Каждая попытка вызвать его на разговор наталкивалась на отказ и обвинение. Если она несчастлива – это ее проблема, а не его. Именно так сказал муж в последний раз, когда Грейс попыталась поговорить с ним.

Зайдя в гостиную, Грейс взяла пульт от телевизора и выключила звук. Примостившись на скамейке для ног, она заглянула мужу в глаза.

– Что не так? – спросил Дэн, раздражаясь, потому что она помешала ему смотреть новости.

– Ты любишь меня? – посмотрела на него Грейс.

– Люблю ли я тебя? Мы женаты тридцать пять лет. – Дэн засмеялся, будто она пошутила.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– А что ты хочешь, чтобы я сказал? Конечно я люблю тебя. Не могу поверить, что ты спрашиваешь.

– У тебя кто-то есть?

– Это дурацкий вопрос, – ответил он, выпрямляясь и покачивая головой.

– Так у тебя есть кто-то? – повторила свой вопрос Грейс.

– Нет. Когда будет готов ужин?

Но у Грейс был еще вопрос.

– Ты помнишь, когда мы последний раз занимались любовью?

– А ты ведешь календарь?

Но Грейс не была сбита с толку. Отвечать вопросом на вопрос было его любимым трюком.

– Нет, но я не могу вспомнить. А ты?

– Ненавижу, когда ты делаешь это! – Дэн резко поставил ноги на пол и встал, засовывая руки в карманы брюк. – Если мы собираемся ссориться, давай делать это по какому-нибудь стоящему поводу. Я не знал, что ты настолько не уверена в нашем браке и тебе нужны мои клятвы в любви.

– Мне необходимо подтверждение того, что ты хочешь этот брак.

– Я и не представлял, что у тебя паранойя, – проговорил Дэн, направляясь в другую часть комнаты.

– Это не паранойя!

– Ты предположила, что у меня есть любовница. Грейс не верила в это, и на самом деле у нее не было повода заподозрить измену, но ей казалось, что Дэна

необходимо шокировать, чтобы привлечь его внимание.

– Чего ты хочешь от меня? – раздраженно спросил он.

– Каких-нибудь признаков жизни! – воскликнула Грейс.

– Тебе никогда не приходило в голову, что, вероятно, я просто устал? – спросил Дэн, посмотрев на жену.

– Слишком устал, чтобы говорить?

– Я никогда не был любителем поговорить. Ты знала это, когда выходила за меня. Я не собираюсь меняться на этом этапе своей жизни. Не знаю, что беспокоит тебя, Грейс, но приди в себя.

– Это нечестно! Я стараюсь добиться от тебя того, чтобы ты взял на себя хоть какую-то ответственность за происходящее с нами.

– Именно ты несчастлива.

– Потому что я хочу большего от нашего брака. – Грейс в бесполезной попытке объяснить развела руками.

– Я даю тебе все, что должен, – ответил Дэн, нахмурившись.

Но и она давала ему все. Господи, она действительно давала ему все, что только могла!

– …Если тебе этого недостаточно, тогда я не знаю, что сказать.

У нее перехватило горло. Да, ей этого недостаточно!

Зазвонил телефон, и они оба вздрогнули, непроизвольно повернувшись в сторону кухни, откуда доносился сигнал. По щекам Грейс катились слезы, и она быстро смахнула их, торопясь подойти к аппарату.

– Пусть сработает автоответчик, – сказал Дэн.

– Зачем? Мы будем разговаривать дальше?

– Нет, – мрачно буркнул Дэн.

– Вот и я так подумала.

Она протянула руку за трубкой и прочистила горло.

– Алло, – ответила Грейс, заставляя себя говорить спокойно.

– Мам? О, мама, ты никогда не догадаешься! – закричала Келли. – Я только что узнала. Я беременна! – Радость в голосе дочери была такой чистой и искренней, какой Грейс никогда не слышала ранее.

– Беременна? Ты уверена?

Грейс почувствовала, как из ее глаз вновь покатились слезы, но теперь это были слезы радости. Спустя десять лет брака Келли и Пол уже и не надеялись на ребенка. Они прошли через нескончаемые тесты и процедуры, и Грейс уже готова была оставить надежду, что ее дочь забеременеет. Она хотела внуков, но это казалось невероятным. Это были удивительные новости. Просто замечательные.

Дэн вошел в кухню.

– Это Келли, – взволнованно проговорила Грейс, закрывая ладонью трубку. – Она беременна.

Глаза мужа потеплели, и он улыбнулся. За последние месяцы это была первая искренняя улыбка, окрасившая лицо Дэна.

– Черт, это замечательно.

– О, милая, мы с твоим отцом в восторге.

– Дай мне поговорить с папой.

Грейс вручила трубку Дэну. Келли всегда была особенно близка с отцом, и сейчас они разговаривали несколько минут.

Дэн положил трубку и подошел к плите, где Грейс жарила мясо. Он подошел к Грейс сзади и, положив руки ей на талию, обнял.

– Я люблю тебя, – прошептал он.

– Я знаю. Я тоже тебя люблю.

– Все будет хорошо.

– Я знаю.

Так и будет. Грейс верила. Надеялась. И сейчас у нее была причина, чтобы продолжать верить и надеяться и с радостью смотреть в будущее. Брак не был всем, чего она хотела, но, вероятно, он играл самую важную роль в ее жизни. Она сделала все, чтобы он был источником радости. Грейс провела тридцать пять лет с Дэном. Были времена хорошие и не очень.

Ребенок дочери давал ей надежду на прекрасное будущее.

Глава 4

– Этим вечером поведу я, – сказала Оливия матери. Прошлый раз, забираясь в автомобиль, который вела Шарлота, Оливия поклялась себе, что это в последний раз. Оливия подозревала, что Шарлота из тех водителей, которые никогда не попадали в аварии, но постоянно служили причиной этих самых аварий.

– Но сегодня моя очередь, хотя должна признать – ненавижу водить по вечерам.

Оливия сняла черную мантию и повесила ее в маленький шкаф в своей комнате. О суде пока можно забыть. Ее ждало вечернее свидание, правда, оно было назначено матерью. На самом деле Оливия куда больше ела, чем общалась, когда встречалась с Шарлотой.

– Я не против сесть за руль, – сказала матери Оливия.

– Раз ты настаиваешь, пожалуйста.

Оливия действительно настаивала. Прошлое приключение на дороге, когда за рулем сидела Шарлота, закончилось тем, что они едва смогли избежать аварии. Шарлота почему-то была не способна повернуть голову и посмотреть назад. Она лишь подвигала зеркала заднего вида влево и вправо и погудела перед тем, как вылететь с парковки. К тому же Шарлота признала, что ее зрение уже не то, что было раньше. Оливия не хотела ограничивать независимость матери, но ничего не могла поделать со своим беспокойством.

– Сегодня будет девичник, – проговорила Шарлота, ее голос звучал радостно при мысли о предстоящем вечере. – Но мне надо быть дома к одиннадцати. Гэрри беспокоится, если меня нет.

– Хорошо.

Ее мать так тряслась над своим котом…

– Представление начинается в восемь. Поэтому закончится задолго до одиннадцати.

– Может, сначала поужинаем? – предложила Шарлота.

– Конечно, с удовольствием.

Оливия была настроена повеселиться. Ее лучшая подруга станет бабушкой. У ее семидесятидвухлетней матери появился своего рода кавалер. Шарлота безостановочно говорила о своем друге Томе. Казалось, что единственный человек, в жизни которого не происходит ничего выдающегося, – это сама Оливия. Она была готова к перемене, готова к риску. Оливия надеялась, что еще

встретится с Джеком Гриффином, но он не позвонил ей и даже не появился в зале суда. Очевидно, не был заинтересован. Ну, с этим она может справиться.

Они прибыли к зданию театра, которое располагалось на Харбор-стрит, почти в семь тридцать. Эта улица была главной магистралью, проходящей через самое сердце центра города. Пьесы ставились на верхних этажах, в любительском театре. В старом театре все еще показывали фильмы, но по большей части устаревшие картины, которые ранее появлялись в шестиэтажном здании на холме. Театр находился в маленьких, но уютных помещениях. Каждый раз, посещая местные постановки, Оливия была поражена тем, что в таком небольшом городке, как Кедровая Бухта, есть такие таланты.

Среди незабронированных мест Шарлота выбрала первый ряд. Как только они уселись, к ним приблизился Джек Гриффин.

– Это место занято? – спросил он, глядя на пустое сиденье рядом с Оливией.

– Джек! – У Оливии вырвалось его имя до того, как она хотя бы попыталась скрыть свое удовольствие.

– Джек Гриффин? Это Джек Гриффин? – Шарлота немедленно вскочила с места.

Не успела Оливия даже понять, что же собирается сделать ее мать, как Шарлота горячо обняла Джека.

Он посмотрел на Оливию над плечом Шарлоты. Оливия заметила, что его удивило и развеселило такое энергичное приветствие.

– Я ждала, когда же смогу познакомиться с вами, – проговорила Шарлота, вновь опускаясь на сиденье. На этот раз она оставила пустое сиденье между собой и Оливией. – Вы написали такую прекрасную статью о моей дочери. И я убедилась, что все мои друзья прочитали ее.

Брови Джека изогнулись, будто спрашивая, почему Шарлота была под таким сильным впечатлением, в отличие от Оливии.

– Мне так понравилось все то, что вы написали о моей дочери. Она смелый судья, и, кроме того, ей свойственно новаторское мышление, – продолжила Шар лота.

Оливия была смущена, но прекрасно понимала, что с матерью лучше не спорить, поэтому любезно улыбнулась и почувствовала, как ее щеки начинают пылать.

Шарлота сделала так, что теперь Джек сидел между ней и ее дочерью. Оливия не смогла быстро сообразить, что происходит, поэтому и не успела что-либо предпринять. Она хотела провести время с Джеком, но предпочла бы сделать это без матери.

Вскоре Джек и Шарлота были глубоко увлечены разговором. В какой-то момент Джек разразился громким смехом и резко обернулся, чтобы посмотреть на Оливию, все еще улыбаясь.

Оливия могла лишь предполагать, о чем таком забавном они говорили, но была абсолютно уверена, что разговор касался ее. Что могла ее мать рассказать Джеку? Без сомнения, это было нечто из времен ее подросткового возраста.

– Твоя мать – очень веселый человек, – минутой позже заметил Джек, наклоняясь к ней.

В его словах была правда. Оливия едва заметно кивнула, и вскоре Джек вновь повернулся к Шарлоте. А тем временем Оливия внимательно изучала программку. Спектакль «Убить пересмешника» был амбициозным проектом для такой маленькой труппы, но люди, которые видели постановку, были в восторге от представления. Оливия предположила, что Джек пришел сюда, чтобы написать рецензию.

Оливия лениво осмотрелась и увидела, как входит Джастин. На ней были черные брюки и кашемировый свитер светло-зеленого цвета, длинные темные волосы свободно ниспадали до середины спины. Рядом шел Уоррен Сагет, и их руки были сплетены, а дочь смотрела на мужчину широко раскрытыми любящими глазами. Оливия почувствовала, как ее волосы встали дыбом. Ей никогда не нравился Уоррен, не вызывало у нее приятных чувств и то, что с ним встречалась ее дочь.

Уоррен переехал в Кедровую Бухту двадцать лет назад. Он купил большой участок земли и построил ряд типовых домов. Дома были возведены из самых дешевых материалов, и с ними сразу же возникла масса проблем. Прежде всего, протекала крыша, а потом одна из стен покрывалась плесенью. Подвалы были затоплены, стены сдвигались, потолки трескались. Судебный иск следовал один за другим.

Оливия сейчас уже не могла вспомнить, как же все уладилось, – тогда она переживала серию трагедий, – но каким-то образом Уоррен и его компания выкарабкались.

Но Оливию не устраивали не только деловые ошибки Уоррена. Все знали, что Уоррен изменял своей жене – вернее, женам. Он не скрывал своих связей, и в конце концов женщины подавали на развод и уезжали из города. Последняя миссис Сагет уехала около пяти лет назад, предоставив Уоррену право забавляться с молоденькими девушками. Оливия с болью смотрела, как ее дочь становится жертвой этого неразборчивого мужчины.

Было очевидно, что Уоррен любит молоденьких девушек. Чем моложе, тем лучше. Такие женщины, как Джастин, – высокие, изящные и красивые – будоражили его воображение. Она выглядела превосходно рядом с ним, и Уоррен знал это.

Оливия задумалась, кому из них принадлежала идея посмотреть это представление. Постановка «Убить пересмешника» была не из тех, которые выбрал бы такой мужчина, как Уоррен. Ему больше подошел бы «Лучший публичный дом в Техасе».

Похоже, Джастин не заметила Оливию. Или же заметила, что ее мать и бабушка сидят в первом ряду, и решила игнорировать их. Джастин и Уоррен сели в последнем ряду, где было темнее всего и их практически нельзя было разглядеть.

Их отношения беспокоили Оливию с самого начала, и не только по причине возраста Уоррена и его репутации. В течение многих лет Оливия наблюдала одну и ту же картину. Джастин выбирала мужчин старше себя, которые очень походили друг на друга. С Уорреном она встречалась дольше, чем с другими. Оливия содрогалась каждый раз, когда думала, что ее дочь может выйти замуж

за такого человека, как Уоррен Сагет. Но в возрасте двадцати восьми лет Джастин не проявляла желания вый ти замуж. Оливия молилась, чтобы Уоррен не был тем, кто изменит ее взгляды.

Сердце подсказывало Оливии, что ее дочь выбирает мужчин под влиянием трагического дня августа 1986 года. Джастин отказывалась рисковать, чтобы не испытать боль, которую может принести настоящая близость. Она была вместе со своим братом-близнецом, когда он погиб. И любовь, которую Джастин испытывала к нему, обернулась мукой. Замкнувшись в своем горе, Оливия не смогла распознать опустошительное воздействие смерти Джордана на ее дочь.

Оливия подозревала, что глубоко внутри Джастин винила себя. Она была на озере вместе с Джорданом и целой толпой друзей, поэтому не уделяла внимания брату. Они ныряли с плавучего дока, шутя и брызгаясь, и все смеялись над своими выходками. Был жаркий день, располагающий к лени, и мир казался чудесным. А после в несколько секунд их жизнь изменилась. Их наивность, ничем не обремененное удовольствие ушли навсегда. Джордан, который баловался рядом со своими друзьями, нырнул в озеро и не выплыл. К тому времени, как его друзья поняли, что это не шутка, было уже слишком поздно. Джордан сломал шею и утонул.

Джастин выплыла на док и сидела с безжизненным телом Джордана, пока не прибыли медики, но никакой надежды не было. После этой трагедии ее дочь всю неделю не могла спать. Она была потеряна и потрясена, полагая, что могла сделать что-то, чтобы предотвратить смерть брата.

Оливия считала себя виновной. Если бы она больше сосредоточилась на скорби Джастин, отвела бы ее к психологу, помогла ей справиться с тем ужасом…

Но Оливия тогда делала все, что могла, чтобы переживать один день за другим. Ради мужа и двоих детей она пыталась быть сильной. Каждый ее час был наполнен работой, чтобы не оставалось времени на тягостные мысли. Однако ее жалкие попытки притворяться провалились. Брак разрушился, а ее замечательная дочь никогда не оправится от потрясения.

– Я хотел позвонить тебе, – сказал Джек, врываясь в мысли Оливии.

Это была радостная новость. Оливии с детства привили убеждение, что девочки не должны звонить мальчикам, – социальная условность, которую она так и не смогла стряхнуть. Она встречалась с мужчинами после развода, но из этого не получилось ничего серьезного. Друзья пытались познакомить ее с кем-нибудь, но безуспешно.

Очевидно, Джек ждал от нее ответа – какого-то указания на то, что она была бы рада его звонку.

– Я была бы рада.

И, сказав это, Оливия поняла, что говорит правду. Ей нравился Джек Гриффин, и она наслаждалась их незапланированной встречей и разговором.

Джек посмотрел на нее, будто не зная, стоит ли ей верить. Он собирался было что-то сказать, когда в центр небольшой сцены вышел Боб Бэлдон. Боб и его жена Пэгги управляли местной гостиницей «Время не ждет», предоставляющей завтрак. Кроме того, Боб был активным участником театральной труппы.

Боб сделал несколько объявлений и представил актеров. Перед тем как уйти со сцены, он посмотрел на Джека и Оливию и сделал странную вещь – подмигнул Джеку.

– И что это было? – спросила Гриффина Оливия.

– Боб мой друг.

– Ты знал его и до переезда в Кедровую Бухту?

Он отсутствующе кивнул, наблюдая за тем, как занимают свои места на сцене актеры, и пробормотал:

– Так Боб провоцирует меня.

– Провоцирует на что? – продолжала любопытствовать Оливия.

– Пригласить тебя на ужин. – Джек выпрямил плечи и посмотрел на нее. – Что об этом думаешь?

«Что об этом думаешь?» – вот уж изобретательное приглашение!

– А ты еще не пригласил ее? – К ним склонилась Шарлота, чтобы рассмотреть Джека и Оливию.

– Я только что сделал это, – ответил Джек. Замерев, Оливия скользнула вниз на своем сиденье и сгорбила плечи.

– Ну, так что? – спросил Джек, тоже съезжая вниз. В ответ Оливия кивнула. А почему бы и нет? Она уже и так признала, что ждала его звонка. И теперь Джек сделал следующий шаг. Приглашение на ужин.

И Оливия собиралась очень хорошо провести время.

Сесилия проснулась утром в субботу, чувствуя себя крайне подавленной. Она ничего не слышала о Яне. Вероятно, он уже в море. Сесилия не знала, покинул ли «Джордж Вашингтон» порт, да и как она узнала бы? Всю информацию она получала из местных слухов, а в редких случаях из газеты «Хроники». Но о переводе Яна с подводной лодки на авианосец не говорил никто. Очевидно, было много такого, о чем он не рассказал ей.

Сейчас Сесилия жалела, что не подружилась ни с кем из жен моряков. Как-то она попробовала сделать это, но не хотела быть назойливой. Женщины уже сплотились в небольшие группы, а она была незваным гостем. Из-за работы и беременности у нее не было времени и сил, чтобы общаться с ними. Так Сесилия отклонила несколько приглашений, которые получила.

Когда родилась Элисон, никто не пришел в больницу, и после смерти дочери Сесилия отвергала все попытки со стороны жен моряков, семьи Яна, медсестер и священников помочь ей справиться с потерей. Сесилия считала, что уже слишком поздно. Отец ненавидел все, что имело отношение к смерти, поэтому избегал ее. Он вручил ей открытку с соболезнованиями, а кроме того, хлопал ее по спине и бормотал избитые слова сочувствия.

И Ян… его не было рядом.

Тревожили постоянные мысли о Яне, неоконченный развод и прошлая боль. Сесилия приняла душ и надела чистые джинсы и удобную толстовку. Обычно по субботам она делала покупки, но сегодня у нее не было на это сил. Добравшись до магазина, Сесилия сделала единственную покупку – большой букет цветов.

Кладбище находилось на окраине города. Опустился такой густой туман, что нельзя было даже разглядеть, что происходит на противоположной стороне улицы, не говоря уж о противоположной стороне бухты и военной судоверфи. Сесилия намеренно выбрала это место для захоронения, потому что с него было видно морскую базу. Может, в этом и не было смысла, но Сесилия хотела, чтобы дочь была ближе к отцу. И только так она могла добиться этого.

Газон был влажным и вязким, и ступни утопали в земле, когда Сесилия шла к могиле. Она опустилась на корточки и стряхнула несколько желтых листьев с маленького ровного надгробия. Ваза оказалась слишком узкой, чтобы вместить весь букет, поэтому Сесилия выбрала для нее самые красивые цветы. Закончив, она разделила оставшиеся цветы среди остальных могил в этом ряду.

Встав на ноги, Сесилия увидела в нескольких шагах от себя Яна, который наблюдал за ней.

Никто из них не заговорил. На нем была толстая морская шинель и белая бескозырка.

– Я видел, как ты выходила из цветочного магазина, – пробормотал он.

– Ты следил за мной? – Сесилии не нравилась эта мысль.

– Обычно я этого не делаю, – проговорил Ян, кивая. – Просто увидел тебя и захотел поговорить.

Сесилия сунула руки в карманы, ожидая, что последует дальше.

– Я подумал, что ты направляешься именно сюда, – продолжил Ян, – и оказался прав. Я думал, мы сможем поговорить.

– О чем здесь говорить?

Последний раз, когда она видела его, Ян был пьян и нарывался на скандал.

– Я хочу извиниться за тот вечер в ресторане, – сказал он, вздыхая и осматривая ряды могил.

– Эндрю сказал мне, что ты уходишь в море на «Джордже Вашингтоне».

– Да. – Он не стал сообщать подробности или объяснять причину своего перевода.

– Когда ты получил перевод на авианосец?

– Ты бы знала ответ, если бы не спешила с разводом, – ответил Ян с нескрываемой горечью.

– Мы не могли, да и не можем поговорить, не крича друг на друга.

И тогда, и сейчас. Так больно стоять у могилы дочери, когда Ян застыл с противоположной стороны.

– Это важно? – спросил он. – Я все еще служу на флоте, ничто не изменилось.

Сесилия покачала головой. Причины не были важны – и Ян не обязан был ей ничего объяснять. Оборона стала автоматической ответной реакцией, средством, которое помогало держать людей на расстоянии. Особенно его…

– Черт, – нетерпеливо сказал Ян. – Почему так сложно говорить с тобой?

Неужели он не понимает? Что еще она могла сказать?

– Я извиняюсь за тот случай в ресторане. Этого не повторится. – Ян развернулся, его движения были очень резкими.

– Ты скоро отплываешь? – удержала мужа Сесилия, не желая, чтобы он уходил прямо сейчас. Он повернулся к ней и кивнул. – Я бы хотела узнать о переводе.

Ян посмотрел на могилу дочери.

– Я подал рапорт на перевод. Если бы меня перевели на авианосец, когда родилась Элисон, я мог быть переправлен домой, чтобы быть с тобой… Жаль, что это не произошло раньше, но я не хотел рисковать вновь.

Сесилия не знала, что подобный перевод возможен.

– Меня не будет шесть месяцев, – сказал ей Ян. Шесть месяцев… Они казались длинней жизни. Должно быть, ее реакция отразилась на лице.

– Я ничего не могу с этим поделать, – произнес Ян.

– Я знаю, – прошептала Сесилия.

– Думаю, ты беспокоишься о твоем разводе.

Ян всегда делал это – подчеркивал, чьим решением был этот развод.

– Отсрочка не важна, – ответила Сесилия. – У меня все равно больше нет денег на адвоката.

– Я думал, ты хочешь обратиться в Центр урегулирования споров?

– Хотела, но, если ты будешь в море, в этом нет смысла.

Сесилия могла говорить с непредвзятой третьей стороной, но без присутствия Яна они все равно ничего не смогли бы решить.

– Тогда юридически мы все еще женаты, верно?

Сесилия предположила, что подобным образом он говорит о своем сожалении по поводу предложения, которое он сделал на прошлой неделе. О том, что им

следует притворяться, что они разведены.

– Да, – ответила Сесилия. – Тебе не надо беспокоиться, что я буду с кем-то встречаться.

Ян нахмурился. Вероятно, Сесилия поняла его неправильно.

– Ведь ты говорил именно об этом? – Она ничего не могла с собой поделать и вспоминала его реакцию на того мужчину в баре.

– Вообще-то нет, – ответил Ян, глядя на нее. – Но я рад слышать это. Ни одному мужчине не понравится думать, что его жена встречается с кем-то еще, невзирая на ситуацию.

– Что именно ты имеешь в виду? – Теперь уже Сесилия была сбита с толку. – Ты хочешь, чтобы мы были женаты? Или ты хочешь, чтобы я просто помнила, что юридически все еще связана с тобой?

– Я хочу, чтобы ты не забывала, что мы связаны – юридически и финансово – до тех пор, пока мы не сможем с этим разобраться, хорошо?

Сесилия кивнула, скрещивая руки на груди. У нее было такое чувство, что ей не понравится его следующая реплика.

– Прошлый раз, когда я был в море… – Он замолчал и посмотрел на надгробие Элисон. – Ты вышла за предел кредитной карты. Пока мы все еще женаты, я юридически ответственен за эти счета, поэтому оценю, если ты проявишь бережливость.

Она подумала, что Ян куда меньше боли причинил бы ей, если бы просто ударил.

– Ты беспокоишься, что я потрачу деньги, пока ты будешь в море? – Сесилия не могла поверить, что он сказал это. – Каждый пенни, который я потратила, каждый пенни, который ушел с этих кредиток, был необходим для того, чтобы я смогла похоронить Элисон.

Сесилию начало трясти, сначала от гнева, а потом от негодования. Как он посмел? Да как он посмел! Если ей и нужно было напоминание, почему она больше не может терпеть этот брак, то только что она его получила.

– Я имел в виду не то, что сказал, – отозвался Ян.

– Этого больше не повторится, – ответила Сесилия приглушенным голосом, осознанно повторяя его слова.

– Я даже не знаю, зачем сказал это, – покачал головой Ян. – Прости.

Сесилия проигнорировала его слова. Ее молчание должно было послужить ответом.

– Ты делаешь так каждый раз, – произнес Ян, его голос был раздраженным. – Я пытаюсь поговорить с тобой, пытаюсь достучаться до тебя, а ты делаешь вид, что меня даже нет.

Сесилия стояла, сжав кулаки в карманах и наклонив голову.

– Каждый пенни нужен был, чтобы я смогла похоронить нашу дочь, – неотчетливо повторила она. – И счет за телефон на триста долларов… Я знаю, он огорчил тебя, но…

Сесилия больше не могла сдерживаться.

– Он был спасением для меня! – заплакала она, выкрикивая слова ему в лицо, выливая в них свою боль и гнев. – Чтобы в тот день не было двух похорон, вместо одних. Прости, Ян, что я такая слабая. Мне нужна была мать… Мне нужно было поговорить с кем-нибудь. Отец не хотел иметь с этим дело, а тебя не было рядом. Моя мама…

Не желая, чтобы он стал свидетелем ее слез, Сесилия развернулась и стала судорожно копаться в своей сумочке.

– Сесилия?

Она нашла то, что искала, и резким движением открыла маленькую пластмассовую коробочку.

– Вот, – сдавленно крикнула Сесилия, вытаскивая кредитную карту и бросая ему. Карточка приземлилась на зеленый газон. – Забирай ее! Я не хочу…

Ян немного помедлил, прежде чем поднять ее.

– Она может понадобиться тебе, в крайнем случае. Будто смерть их дочери не была крайним случаем… Сесилия решительно покачала головой. Она скорей умрет, нежели воспользуется его картой.

Ян посмотрел на карточку и провел пальцем по буквам, которые складывались в имя – Сесилия Рэндалл.

– Я пришел сюда не для того, чтобы забрать твою кредитную карточку.

– Отлично, но теперь она у тебя есть, – в запале ответила Сесилия, отказываясь смотреть на него.

Ян молчал. Проходили долгие минуты.

– Прости, Сесилия, – наконец прошептал он.

– За что на этот раз?

Наступила еще одна пауза.

– Меня не будет шесть месяцев, – пробормотал Ян. – Я бы очень хотел, чтобы мы уладили дела с этим разводом до моего отплытия, но…

Они уже так много раз проходили через это.

– Я бы хотел уплыть без дурного осадка от наших конфликтов. Я знаю, что ты больше не хочешь быть моей женой, но сейчас мы ничего не можем сделать с этим.

– И каково твое предложение? – спросила Сесилия язвительно.

– Черт, Сесилия, ты слышишь меня? Именно этого ты хочешь? Хочешь, чтобы именно так обстояли дела? Я пошел за тобой, потому что думал… надеялся, что есть шанс закончить на дружеской ноте.

– Разводы никогда не бывают дружественными.

– Ты права, но тебе это доставляет удовольствие?

Не доставляло. И Сесилия знала, почему он пришел.

Через несколько дней Ян отправится в море, и он хотел уехать без давящего комка в горле.

– Пока, Ян, – мягко ответила она. – Пусть все пройдет удачно.

Он нахмурился, будто на самом деле не зная, стоит ли ей доверять.

– Ты на самом деле этого хочешь?

Сесилия кивнула.

– Я не хочу ругаться и никогда не хотела. Плыви со спокойной душой. Когда вернешься, мы разберемся со всеми юридическими вопросами.

– Спасибо тебе. – Его облегчение было явным, а взгляд смягчился, когда Ян развернулся, чтобы уйти.

Сесилия наблюдала, как силуэт мужа исчезает в тумане, и смотрела до тех пор, пока могла различить его темную фигуру.

А потом она закрыла глаза и представила, как могла бы пойти их жизнь, если бы была жива Элисон. Она бы стояла с другими женами моряков на пристани, Ян поцеловал бы на прощание сначала ее, потом Элисон и снова Сесилию. После он бы поспешил на авианосец, а она держала бы в объятиях дочь и поднимала ее

маленькую ручку, чтобы Элисон могла помахать отцу на прощание. Вместо этого они прощались друг с другом, стоя над могилой дочери.

Джастин избегала матери все выходные, и не без причины. Как только они встречались, Оливия начинала критиковать Уоррена. Не открыто, намеками, но все равно делала это. Например, Оливия припомнила некоторые слухи о его бывших женах, которые ей будто бы довелось узнать. Или начинала рассказывать о тех или иных проблемах в домах, которые построила его компания.

По мнению Джастин, тот факт, что она встречается с Уорреном, не касался ее матери. Хорошо, он был на несколько лет старше. И она признавала, что его репутация не была превосходной. Но были вещи, о которых ее мать и остальные не знают, да и никогда не узнают. Уоррен доверял ей, и его доверие много значило для нее.

Вторая причина, по которой Джастин избегала мать, был ее брат Джеймс. Год назад он, не обсудив с семьей свое решение, отправился служить на флот и в результате впервые оказался вдали от дома. Он скучал по семье, и их мать беспокоилась о нем. Сейчас ее младший брат принял еще одно жизненно важное решение и возложил на Джастин обязанность рассказать об этом семье.

– Скажи ей за меня, – умолял он, и из-за своей любви к нему Джастин глупо согласилась.

И теперь столкновение было неизбежным. Утром в понедельник Джастин почти решила позвонить бабушке и сделать так, чтобы новость рассказала Шарлота. Джастин даже взяла в руки телефон и набрала номер. Но после первого гудка положила трубку, обзывая себя трусихой.

Весь день она с трудом сосредотачивалась на заявках на получение ссуды и на собрании персонала – Джастин работала менеджером в местном отделении Первого национального банка. И у нее было много обязанностей. Джастин вздохнула – она знала, что сама должна рассказать все матери, как только представится такая возможность.

После работы Джастин сразу направилась из банка в дом на 16-й Лайтхаус-Роуд, где жила ее мать. Она и сама жила здесь, пока десять лет назад не уехала в колледж. Джастин возвращалась сюда на короткие промежутки времени. Это место всегда было для нее домом, в отличие от иных ее пристанищ. Каждый раз делая поворот на дороге и поднимаясь вверх, Джастин испытывала ощущение, которое не чувствовала ни в одном другом месте, где жила последние десять лет.

Джастин припарковалась возле парадной двери. Ее мать, должно быть, смотрела в окно, когда подъехала дочь, потому что открыла дверь, как только Джастин начала подниматься по ступеням на крыльцо.

– Милая, – сказала Оливия, протягивая руки для объятия. – Это приятный сюрприз.

Джастин выдавила улыбку.

– Ты как раз на ужин.

Джастин никогда не могла понять, почему Оливия так старается накормить ее. То же самое делала и бабушка. «Наверное, материнство предполагает стремление заботиться», – предположила она. Хотя ей уже не требовалась забота. По крайней мере, подобного рода.

– Отлично, – ответила Джастин, не проявляя, однако, особого энтузиазма. Ее желудок уже содрогался.

– Тебя что-то беспокоит? – посмотрела внимательно на дочь Оливия.

Радар! Джастин готова была поклясться, что у ее матери есть радар.

– Почему бы нам не выпить чаю? – предложила Джастин.

– Ты ведь не беременна? – застыла Оливия. – Господи, не говори мне, что ты собираешься замуж за Уоррена!

– Мама, просто сделай чай. И нет – я не беременна.

– Слава богу.

Ее облегчение не могло быть более очевидным. Неужели она не понимает, как оскорбительна ее реакция?

Оливия прошла на кухню, и Джастин последовала за ней.

– Это было грубо с моей стороны, милая. Прости! – сказала Оливия, ставя на плиту чайник. После чего она вздохнула. – Ты знаешь, что я думаю об Уоррене.

Джастин не требовалось напоминание.

– Но ты, кажется, наслаждаешься его обществом, и важно только это.

Джастин не ответила на не совсем полноценное извинение матери. Какой смысл? Да, ей нравился Уоррен, но она не была слепа и видела его ошибки. Самым обаятельным в нем был возраст. Джастин любила мужчин старше себя. Они были решительными, уверенными и надежными. Она не намеревалась иметь детей и искала зрелых отношений. Мужчины ее возраста казались Джастин безответственными подростками.

Оливия налила чай и поставила две чашки на обеденный стол.

– Хорошо, – сказала мать, когда они обе сели. – Если ты не беременна, тогда в чем дело?

Джастин проигнорировала вопрос и попробовала чай.

– Я говорила с Джеймсом на прошлой неделе.

– Как у него дела? – Оливия отрешенно посмотрела на дочь.

– Мне показалось, что его голос звучит хорошо.

– Хорошо?

– Счастливо, – поправилась Джастин.

– У него появилась новая девушка?

Она не могла поверить, что ее мать не может ничего понять.

– Не совсем.

– Он встречается с той же девушкой, что и раньше? Селиной? Сейчас я не могу вспомнить ее фамилию.

– Солис.

– М-м-м. Каждый раз, когда Джеймс упоминал о ней, они ругались то по одному поводу, то по другому.

– Сейчас у них все хорошо, – проговорила Джастин, пытаясь не засмеяться – Оливия казалась абсолютно недогадливой.

– Я рада слышать это.

– Да, мам? – давила Джастин.

– Конечно, я рада. – Оливия помедлила. – Ты пытаешься сказать мне, что Джеймс и Селина помолвлены?

– Нет, я здесь, чтобы сказать – они женаты.

– Женаты? – Оливия быстро вскочила со стула, а затем так же стремительно села обратно. – Женаты? И даже не сказали мне? Не сказали ни слова?

– Джеймс боялся твоей реакции.

– Ему следует куда больше опасаться, что я скажу теперь, – сурово проговорила Оливия. – Почему он так подумал? А как семья Селины? Это было для них таким же шоком?

– Очевидно, нет.

– Что ты имеешь в виду?

– Отец Селины настаивал, чтобы они венчались в костеле.

– Но Джеймс не католик.

– Он обратился.

Джастин видела недоумение в глазах матери и понимала, что она с трудом принимает новости. Сын, которого она растила протестантом, внезапно стал католиком.

– Должно быть, он очень сильно любит ее, – задумчиво проговорила Оливия.

– Думаю, да.

– Значит, другими словами, мой сын и эта молодая девушка, которую я не видела ни разу, поженились по традициям католицизма и ни слова не сказали никому из нашей семьи?

– Да, – подтвердила Джастин.

– Почему?

– Джеймс хотел, чтобы вы с папой были там. – Джастин на мгновение затаила дыхание. – Но он боялся, что вы не одобрите этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/debbi-makomber/kedrovaya-buhta-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить